

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКС
ОРЛОВ

ТЮТЮНИН

ПРОТИВ

40°

0,5 л

Тютюнин

Алекс Орлов

Тютюнин против ЦРУ

«Автор»

2003

Орлов А.

Тютюнин против ЦРУ / А. Орлов — «Автор»,
2003 — (Тютюнин)

Пить все, что горит, – вредно. Сергей Тютюнин и его дружок Леха Окуркин об этом не знали. Они жили обычной жизнью пролетариев, пока однажды не нашли себе приключений. Сначала ими заинтересовались ЦРУ и пенсионерка Живолупова, в прошлом сотрудница НКВД. Потом добавились проблемы с инопланетянами, драконами и боевыми свиньями. Жизнь приятелей стала интереснее.

© Орлов А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	12
5	14
6	17
7	20
8	21
9	22
10	23
11	25
12	28
13	29
14	30
15	32
16	34
17	37
18	38
19	40
20	42
21	45
22	46
23	49
24	51
25	53
26	55
27	57
28	58
29	61
30	63
31	65
32	68
33	70
34	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Алекс ОРЛОВ

ТЮТЮНИН ПРОТИВ ЦРУ

Жил-был Серёга Тютюнин. И служил он в конторе «Втормехпошив», где принимал от населения поношенные кроличьи шкурки по три рубля за полкило. Работы было немного, зарплаты ещё меньше, а потому в свободное время, которого у Серёги было предостаточно, он со своим другом Лехой Окуркиным соображал на двоих.

Судьбы Серёги и Лехи были похожи. Обоих дома поколачивали жены, однако каждого по-своему.

Если Леху его Ленка ввиду явного преимущества в росте и весе просто лупила кулаками, то Серегина Любочка встречала супруга дубовой скалкой.

К слову сказать, дубовая скалка у Любочки появилась не сразу. Сначала была сосновая. Но тёща Серёги, Олимпиада Петровна, посчитала, что Серегини фокусы сосновую скалку давно переросли, и подарила дочери дубовую.

Так бы и жили в трудах Серёга и Леха, если бы не произошло с ними нечто ужасное.

1

Утро в конторе «Втормехпошив» начиналось как обычно. Едва Серёга Тютюнин заступил на вахту, как народ к нему просто повалил.

С восьми до десяти чесаться было некогда. Три шубки детские – стриженный кролик, доху камчатскую – голубая белка – и спиогрейку из кошки под бобра Серёга принял на одном дыхании. И только он собрался расслабиться и пососать леденец, как с улицы завалилась старушка в старом драповом пальто.

«И не жарко ей, в июне-то месяце?» – подумал Серёга.

Старушка, не отрывая взгляда от Тютюнина, медленно полезла в потёртую сумку.

Тютюнин вздохнул. Он уже хорошо знал подобных клиентов. Сейчас старушка достанет кацавейку времён свой молодости, лысую, как коленка, и попросит за неё денег.

Однако сначала клиентка поставила на прилавок старый самовар и замерла, вопросительно глядя на приёмщика подслеповатыми глазами.

Самовар был не совсем по профилю «Втормехпошива», однако Серёга, быстро прикинув вес позеленевшей меди, с ходу определил свою выгоду.

– Пятьдесят рублей! – объявил он и тоже замер, ожидая, как старушка отреагирует.

Кажется, она не совсем поняла, что он ей сказал, однако кивнула и взяла протянутые деньги.

– Налево работаем, Тютюнин? – услышал Серёга за своей спиной и, обернувшись, увидел бухгалтера Фригидина.

Фригидин был человек злой и своим приплюснутым черепом напоминал змею-щито-моргника. А ещё он воровал у Серёги сахар, когда тот оставлял тумбочку открытой.

– Что значит налево? – стараясь не терять из виду старушку, спросил Тютюнин.

– А самоварчик-то зачем? Медь сдавать будем?

– Я их, эти самовары, может, с пятого класса собираю, – соврал Серёга.

– Это ещё доказать надо, – поднявши к потолку палец, заявил Фригидин и шмыгнул за угол. «Змей, – подумал Серёга. – Аспид».

И снова вернулся к служебным обязанностям.

– Что вы ещё хотели, бабушка? – спросил он.

Старушка снова порылась в сумке и брякнула на прилавок древнюю муфту, с которой, словно золотистая пыль, разом поднялась целая туча моли. Штук примерно миллион.

Моль в стенах «Втормехпошива» считалась самым страшным врагом. Если она попадала на склад готовой продукции – пиши пропало. На этот случай у Серёги Тютюнина был припасён баллон дихлофоса, а для особых ситуаций – крепко действующая отравка, привезённая из-за границы братом жены его друга Лехи Окуркина.

В английском Тютюнин был не силен, а потому принял слова друга на веру: «Разок кнопку давани – и дело сделано. А сам старайся не дышать».

Серёга понимал, что применять средство придётся в условиях населённого людьми города, а потому завёл в своей приёмке настоящий противогаз. У него дома их целый ящик был – чего жадничать?

Одним словом, моль уже поднималась к потолку, и Серёга, осознавая, что нужно спешить, перегнулся через прилавок и одним мощным движением нахлобучил на старушку противогаз – прямо поверх шляпки. Бедняга так и села на пол, а Тютюнин, выхватив баллончик, смело пшикнул в самую гущу меховых вредителей.

Эффект от применения был ошеломляющим не только для моли, но и для самого Серёги. Он вдохнул лишь самую малость и сразу увидел море, солнце и даже пальмы, а уже потом услышал свой хриплый кашель и понял, что быстро ползёт по коридору.

Рядом открылась дверь туалета, и в коридор шагнул змей Фригидин.

Заметив ползущего Тютюнина, бухгалтер злорадно захихикал, однако ненадолго. Вздыхнув, чтобы посмеяться во всю глотку, Фригидин схватился за горло и, выпучив глаза, рухнул рядом с Серёгой. А затем, заходясь хриплым кашлем и судорожно взбрыкивая ногами, пополз следом за Тютюниным, стараясь не отставать.

Оба знали, куда они ползут, спасая свою жизнь. По коридору налево находился кабинет директора «Втормехпошива» господина Штерна, в котором имелось большое окно. До других окон ползти было очень далеко.

Когда до спасительного кабинета оставалось несколько метров, оттуда вышел дизайнер-закройщик Турбинов, личность творческая и пьющая. Увидев ползущих Тютюнина и Фригидина, Турбинов удивился и, не замечая катившейся по коридору волны оранжевого газа, сделал случайный вдох.

Потолок и стены зашатались, и несчастный дизайнер-закройщик грохнулся на пол.

Между тем Серёга Тютюнин уже распахнул лбом дверь и первым вполз в приёмную.

На секретаршу господина Штерна трое вползающих посетителей с красными физиономиями и выпученными глазами не произвели никакого впечатления. Она нахмурила брови и, не переставая пилить ногти, строго спросила:

– Куда это вы ломитесь? Борис Львович занят!

Однако Тютюнин смело боднул следующую дверь, зная, что за ней его ждёт спасение.

2

Директор, Борис Львович, был действительно занят. Он разговаривал по телефону с любовницей.

Когда распахнулась дверь и за ней никого не оказалось, Борис Львович промурлыкал в трубку: «Минуточку, рыбка» и приподнялся из кресла.

То, что он увидел на полу, заставило его запрыгнуть на стол и закричать: «Помогите!» – отчаянно топая ногами и давя карандаши.

Прямо по итальянскому паркету к нему ползли три неизвестных субъекта с красными лицами, выпученными глазами и распахнутыми ртами. Они хрипели и вытягивали вперёд руки со скрюченными пальцами, а Борис Львович продолжал вопить и клясться, что больше никогда не будет никого обижать.

Однако зомби оставались глухи к его мольбам и один за другим стали взбираться на стол. Не помня себя от страха, господин Штерн распахнул окно и сиганул вниз, на кусты сирени, произрастающие из строительного мусора. Этаж был второй, поэтому он почти не ушибся, но следом за ним в сирень стали падать его преследователи.

– Тю... Тю... – попытался заговорить один из них, высунув из кустов сплюсненную голову.

– Фригидин! – узнал его Штерн.

– Тютюнин виноват, Борис Львович! Тютюнин! – заверещал бухгалтер и стал тыкать пальцем в сторону приёмщика. – Он на меня покушался и на Турбинова тоже!

– Не покушался я, Борис Львович. Я моль травил, – сказал в своё оправдание Серёга и начал отряхивать штаны. – Просто дихлофос крепкий попался. Я сам не ожидал.

– А откуда моль-то взялась? – поинтересовался Борис Львович, понемногу приходя в себя.

– Так бабуля притащила, клиентка! – радостно сообщил Тютюнин.

– Бабуля? А как она перенесла дихлофос? Как бы нам за старушку отвечать не пришлось! – забеспокоился Штерн.

– Да с бабулей ничего не могло случиться, – махнул рукой Серёга. – Я на неё противогаз надел... Вот разве что...

Страшная догадка поразила Тютюнина, и он, сорвавшись с места, побежал вокруг здания.

Спугнув во дворе кошку и чуть не сбив уборщицу Дусю, Серёга рванул на себя дверь и едва успел пригнуться. Плотный, словно кулак, рой обезумевшей моли рванулся вон из губительной атмосферы «Втормехпошива» и, взвившись высоко в небо, унёсся к горизонту в южном направлении.

Оставив дверь широко открытой, Тютюнин осторожно вошёл в приёмку и потянул носом. Заграничная дрянь в воздухе ещё держалась, но уже в безопасной концентрации. В углу у стенок тихо сидела старушка. Она уже не шевелилась.

– Эй, бабуля... – позвал Тютюнин. Старушка не отозвалась. Серёга, сдёрнув с неё противогаз, снова позвал:

– Бабуля, можно выходить...

Клиентка по-прежнему не отзывалась, а Тютюнин, проверив фильтр противогаса, понял, в чем дело, – его закрывала резиновая пробка.

«Посадят теперь», – подумал Серёга и тоскливо посмотрел на прилавок. Там он простоял полтора года, служа «Втормехпошиву» верой и правдой.

Представив себя на нарах, Тютюнин зашмыгал носом. Пока он жалел свою загубленную жизнь, старушка вдруг очнулась и, прихватив котомку и шляпку, выскочила на улицу.

На полу осталась лишь горсть старорежимных пуговиц с двуглавыми орлами. Пуговицы тоже оказались медными, и Серёга уже собрался сунуть их в карман, когда снова услышал голос вездесущего Фригидина.

– Опять налево работаешь, Тютюнин? Серёга обернулся и увидел стоявшего в дверях приёмки директора, а рядом с ним бухгалтера.

– Обратите внимание, Борис Львович, – продолжал ябедничать Фригидин. – Пуговичек жменьку из бабушки вытряс, а до этого – самовар медный тульский.

– Откуда пуговицы, Тютюнин? – строго спросил Штерн, как будто это имело главнейшее значение.

– Должно быть, из бабушки просыпались... – пожал плечами Серёга. И вздохнул.

– Ну, допустим, что из бабушки. А где тот дихлофос которым ты здесь моль уморить собирался?

Серёга прошёл за прилавок и поднял с пола брошенный при отступлении баллончик.

– Вот, пожалуйста, – сказал он, протягивая директору неопровержимую улику.

– Так-так, Тютюнин, – произнёс Борис Львович и строго посмотрел на Серёгу. – Ты знаешь, что здесь написано?

– Нет, я язык только в школе изучал.

– Какой? – уточнил Штерн.

– Говяжий! – съехидничал Фригидин.

– Почему говяжий? – обиделся Серёга. – Персидский язык.

– Персидский?! – поразился директор и покачал головой. – Ну, Тютюнин... А ты видел, что здесь череп с костями нарисован?

– Ну видел, – неопределённо пожал плечами Серёга. – Это чтобы внутрь не принимали...

– Турбинов, ну-ка давай ты, – обратился директор к появившемуся дизайнеру-закройщику, который во «Втормехпошиве» считался человеком просвещённым.

– Полицейское спецсредство. Запрещено к продаже, – с ходу перевёл тот.

– Запрещено к продаже – ты слышал, Тютюнин? – Директор со значением поднял палец. – И кстати, – Борис Львович огляделся, – где хоть одна погибшая моль?

– Да, где хоть одна погибшая моль? – повторил Фригидин.

– Моль улетела...

– Вся? – уточнил Штерн.

– Практически, – кивнул Серёга. – Только я дверь открыл, они как ломанулись. И сразу в небо...

– «И их печальные голоса растаяли в вышине», – продекламировал Фригидин своим противным голосом. – Это ж тебе не журавли, Тютюнин. Это моль!

– Как сказать, – вмешался бывалый Турбинов. – Мне один товарищ привозил из Шри-Ланки траву...

– Не надо про траву, Турбинов, – остановил его директор. – А ты, Тютюнин, предъяви сам объект, с которого моль взлетала.

– Ага, полигон журавлиный! – снова влез Фригидин. Со двора в приёмку заглянула женщина.

– Вы работаете или как? Тряпье берете?

– Тряпье не берём, у нас тут не помойка, а предприятие по пошиву, – с достоинством произнёс Штерн. – Вы пока подождите, мы внутреннее расследование проводим. Скоро уже закончим.

– Ага, – кивнула женщина и прикрыла дверь.

Тютюнин поднял с пола злополучную муфту и протянул Штерну. Вид её был столь омерзителен, что директор попятился.

– Ну-ка, брат Турбинов, посмотри, что это?

– Муфта это дореволюционная, – сразу определил тот. Затем смело взял изделие в руки и понюхал.

– Чем пахнет? – поинтересовался директор.

– Дерьмом мышиным. Есть немного нафталина, мездра пованивает – пропала мездра. Однако дерьма все же больше. В этой муфте не одна тыща мышей вывелась.

– Ну, в общем понятно, – подвёл итог директор. – Ты пока работай, Тютюнин, рабочий день ещё не закончился, а мы пойдём совещаться на тему, что с тобой делать. Возможно, ты уже сегодня будешь уволен.

– Возможно уже сегодня! – радостно повторил Фригидин и убежал вслед за Штерном и Турбиновым.

3

Тяжело вздохнув, Серёга почесал макушку и вернулся к уже недолгим служебным обязанностям.

Думать о том, что он скажет жене, ему не хотелось. Зато он отлично знал, что скажет Лехе Окуркину за его подарочек.

У стойки выстроилась очередь из жаждущих сдать меха, и до четырнадцати ноль-ноль, когда приёмка закрывалась на обед, Серёга успел принять три собачьи шубы, кротовую поддёвку, шкурку зайца и артефакт неизвестного происхождения, который ему отдали за так, в нагрузку к зайцу.

Заперев изнутри дверь, Серёга вернулся к себе за стойку и, подумав, отправился в уборную. Там в поломанном бачке всегда шумела вода, а шум воды Тютюнина здорово успокаивал.

«Работу сразу искать не буду, – размышлял он. – Надо ждать хорошего места, где человека ценят».

Почувствовав себя немного лучше, Серёга вернулся в приёмку и застал там Фригидина. Нагнувшись над тумбочкой Тютюнина, бухгалтер торопливо жрал сахар.

«Должно быть, уже списал меня, гад!» – обозлился Серёга и, тихо подкравшись, дал Фригидину крепкого пинка.

– Ой! – вскрикнул тот и, развернувшись, стал потирать ушибленное место. – Это вы, Сергей? А я тут...

– Сахар мой ворует, сволочь, – угрожающе произнёс Тютюнин.

– Я попросил бы вас..., не усугублять своё и без того сложное положение... – залепетал пойманный с поличным бухгалтер. – И потом..., у вас ещё полпачки осталось. Стоит ли жадничать?

– А ты прав, – улыбнулся Серёга подсказанной Фригидиным мысли. – Ты прав, гадёныш, я не жадный.

С этими словами он достал из тумбочки оставшиеся полпачки сахара и, протянув Фригидину, приказал:

– Ешь.

– Ой, спасибо, Сергей! Вы не такой грубый, каким показались мне вначале. Я даже сожалею, что вас увольняют.

Фригидин взял парочку кусочков и положил в карман.

– Я их потом съем.

– Нет, не потом, – со злой улыбкой возразил Тютюнин. – Здесь будешь кушать – сейчас. И не два кусочка, а весь сахарок. Ты же его так любишь, гад!

Серёга снова продемонстрировал драконью улыбку и, чтобы Фригидин лучше понял, ткнул его под ребра.

Бухгалтер снова ойкнул и принялся за сахар. Первые четверть пачки он одолел довольно быстро, но затем стал давиться, и Тютюнин позволил ему запивать угощение холодным, оставшимся со вчера чаем.

– Все, – сказал Серёга, когда сахар был съеден. – Теперь можешь идти.

Фригидин посмотрел на своего мучителя засахаренными глазами, икнул и нетвёрдой походкой направился в коридор. Уже из-за угла он, полуобернувшись, обронил:

– Фа..., фашист... – и исчез.

«Ну вот, – подумал Тютюнин. – Теперь и увольняться можно».

В коридоре снова слышались шаги. Серёга подумал, что это бухгалтер, однако вместо Фригидина в приёмку заглянул рабочий из пошивочного цеха.

– Ты, это, иди к директору... Зовут тебя...

4

В кабинете господина Штерна было много света и свежего воздуха. Распахнутое окно напоминало о недавнем происшествии, однако на лицах присутствующих Тютюнин не заметил никакого ожесточения.

«По-хорошему уволят», – решил он и взглянул на секретаршу директора Елену Васильевну, отчего та вздрогнула, должно быть вспомнив, как Серёга вползал к ней в приёмную.

– Ну, Тютюнин, осознал свою вину? – поинтересовался Штерн.

– Дык, – Серёга пожал плечами, – понятное дело.

– Это хорошо. Мы тут в муфте старинной лейбл нашли, поставщика Его Императорского Величества купца Резинова... Вот...

И директор положил на стол небольшую медяшку.

– Эта находка в корне меняет дело, поскольку мы её теперь на главный заказ пришьём – доху для господина Куклинского, в «мерседесе» ездить. Получится у нас, Турбинов? – обратился Штерн к своему дизайнеру-закройщику.

– Конечно получится. Кроличьи шапки мы уже красим и стрижем под барса. Потом сошьём их гнилыми нитками, и все подумают, что дохе триста лет и ею укрывался князь Голицын. Или Потёмкин. Лейбл царского поставщика только придаст нашей дохе натуральности.

– То есть качество гарантируете? – ещё раз уточнил. Штерн.

– Качество и безопасность, – легко пообещал Турбинов и потёр свой большой нос. Он всегда потирал его, когда хотел выпить.

– Одним словом, Тютюнин, ты остаёшься в нашем славном коллективе, а за лейбл мы премируем тебя двести рублями... Или нет – двестию рублями... Елена Васильевна, подскажите, как правильно?

Секретарша наморщила лоб, потом посмотрела в потолок и наконец сказала:

– Дайте ему двести рублей, и дело с концом.

– Правильно, а то обед заканчивается, – поддержал Турбинов и снова почесал нос.

Директор отсчитал Тютюнину деньги, и тот, радостный, выскочил в коридор, где едва не столкнулся с людьми в белых халатах, которые деловито волокли на носилках тело Фригидина.

– Мужчина! – позвали Серёгу проникновенным басом, а затем тяжёлый бюст припечатал его к стенке. – Вы кто такой?

– Я Тютюнин, приёмщик, – быстро ответил он, поглядывая снизу вверх на дородную врачиху.

– Женаты?

– Уже пять лет! – отрапортовал Серёга.

– Жаль. – Врачиха разочарованно улыбнулась, показав золотые зубы. – Но на всякий случай, меня Светланой зовут.

– Очень приятно. А чего это с нашим бухгалтером случилось?

– А слиплось все на хрен.

– Все – это что? – осторожно уточнил Тютюнин.

– Все – это все, – просто ответила врач Светлана.

– И куда же его теперь повезёте?

– Ясно куда – отмачивать... Вы чего здесь производите, женатый? Я, конечно, не санврач, но вонь тут у вас... – Светлана скривилась и покачала головой.

– Перелицовываем шкурки, пересаживаем мех и восстанавливаем мездру.

– Ну ты со словами-то поаккуратней, я грубиянов не люблю, – предупредила Светлана.

– Это не ругательство, это наш производственный термин.

– Знаем мы ваши термины... – Светлана вздохнула, от чего её могучий бюст едва не перекрыл Тютюнину дыхание. – Откуда на производстве сахар?

– Не... Не знаю, – соврал Серёга.

– Обычно у нас вызовы на кондитерские фабрики, а тут, блин, мездра. – Произнеся это слово, Светлана хохотнула. – На прошлой неделе на пятую кондитерскую экскурсантов из Вьетнама привозили. Так те весь конвейер вылизали. Были семь случаев слипания – два тяжёлых.

Из-за угла показалось красное лицо санитаря.

– Светлана Семёновна, мы готовы – можно ехать!

– Уже иду, – отозвалась та. И, снова притиснув Серёгу к стенке, спросила:

– Сигареткой угостишь, женатик?

– А я не курю.

– Я – тоже... Когда-нибудь брошу... Ты вот что, Тютюнин, – Светлана извлекла из кармана кусочек серого картона и протянула Серёге, – здесь телефончик нашего морга, скажешь добавочный 137, и тебя со мной соединят.

– Спасибо, – поспешил поблагодарить Тютюнин.

– Пожалуйста. Если гланды нужно будет вырезать или там стул жидкий поправить – звони.

Светлана подмигнула Серёге и двинулась по коридору, заставляя скрипеть плохо уложенный паркет.

– Уф-ф, – выдохнул Тютюнин и огляделся. Несмотря на удачный исход дела с молью, на душе у него было тревожно. Событие, которое должно было изменить его жизнь, неотвратимо приближалось.

5

Обычно приёмка работала до шести вечера, но Серёга сбежал на полчаса раньше. Ему не терпелось похвастаться перед женой двумя сотнями премии, а перед другом Лехой тяжёлым самоваром и горстью пуговиц – всем тем, что после сдачи на приёмный пункт гарантировало им отличное проведение ближайших выходных.

Возле самого дома Тютюнина остановили двое милиционеров.

– Что в сумке? – спросили они.

– Самовар, – честно ответил Серёга и, открыв сумку, показал содержимое.

– Действительно самовар, – произнёс один милиционер и разочарованно добавил:

– Старый совсем. На медь сдавать будешь?

– Нет, что вы. Я старину очень обожаю. Отчищу его и буду чай из него пить.

– Ну ладно, иди, – совсем заскучали милиционеры. – Пей свой чай.

В хорошем расположении духа Тютюнин вбежал в подъезд и быстро поднялся на свой этаж, однако неожиданно столкнулся там с пенсионеркой Живолуповой, в простонародье – Гадючихой. Гадючиха обладала тяжёлым характером и болезненной подозрительностью, оставшимися ей в наследство с тех времён, когда она служила в НКВД.

– Привет, Тютюнин! – с ложной доброжелательностью поздоровалась она.

– Привет, – без особого энтузиазма ответил Серёга.

– Гляжу, опять ты чего-то на работе спёр...

– Я не спёр. Я это купил.

– Купил? – Гадючиха недобро усмехнулась и предложила:

– Если поделишься, никому не скажу.

– А не поделюсь?

– Сообщу в органы, и отправишься по этапу на десять лет без права переписки...

– Как же, обрадовалась! – воскликнул Серёга, смело наступая на Гадючиху. – Прошли те времена, когда вы людей в Магадан отправляли! Кончилась ваша власть! Кончилась!

Под напором Тютюнина пенсионерка поспешно отступила, и Серёга, открыв ключом свою дверь, оказался в квартире.

То, что он увидел в прихожей, его не обрадовало. Это были туфли, которые принадлежали тёще Сергея – Олимпиаде Петровне.

Олимпиада Петровна работала в столовой и каждый день уносила домой пакеты с продуктами. Оттого и туфли она носила на низком каблуке, что значительно способствовало её грузоподъёмности.

Из комнаты доносились голоса, и Серёга, осторожно опустив сумку с самоваром, стал прислушиваться.

– Смотри внимательно, Люба, – это же так просто! Полуповорот, а затем лёгкое движение кистью и р-раз... Поняла?

– Ну-ка, мама, давай я попробую. Значит так... Полуповорот, а затем движение...

– Кистью! – напомнила тёща.

– Да знаю я, мама, не лезь... Кистью р-раз!

«Да что они там делают – танцы, что ли, разучивают?» – удивился Тютюнин.

Он осторожно приоткрыл дверь и вошёл в комнату, а увлёкшиеся занятиями женщины поначалу его даже не заметили.

«И р-раз! Кистью, полуповорот!» – повторяли они свои заклинания и размахивали дубовыми скалками.

– Так вот, значит, чем вы тут занимаетесь! – воскликнул возмущённый Тютюнин. – Бить меня обучаетесь! Да? Вы за этим, Олимпиада Петровна, приходите, чтобы жену на мужа натравлять?

– И вовсе не за этим! – спрятав скалку за спину, стала оправдываться тёща. – Просто навестить дочку зашла, а Люба здесь одна заскучала. Да и физкультура ей необходима.

– Физкультура ей необходима? Да она этой физкультурой каждое воскресенье занимается – у меня вон на спине синяки не проходят! – И, чтобы доказать свою правоту, Тютюнин стал срывать с себя рубашку.

– Да ты бы ещё штаны снял, бездельник! И правильно, что синяки! Другой бы уже не пил, раз жене не нравится!

– Я, к вашему сведению, Олимпиада Петровна, и не пью, а только выпиваю. Я ведь меру-то знаю! Я не какойнибудь запойный!

– Не запойный?! – Тёща усмехнулась и уставила руки в боки, не скрывая своей скалки. – А кто с двадцать третьего февраля по восьмое марта пил? Алкоголик!

Получив такое ясное напоминание, Серёга едва не сник. Действительно было. Однако, чтобы не оставлять поле битвы врагу, он сам перешёл в наступление:

– Если я алкоголик, то вы расхититель народного имущества! Вы, Олимпиада Петровна, из ресторана ушли, куда вас на хорошую зарплату устроили. А почему? Уж не потому ли, что там воровать нельзя было, а вы, дорогая тёща, без этого не можете?

– Не смей так говорить с мамой! – вмешалась Люба.

– Не бойся, доча, я ему сейчас отвечу, – сказала Олимпиада Петровна, раздувая ноздри, словно разъярённый носорог. – Значит, ты думаешь, дорогой зятёк, что уел меня этим? Мол, таскаю и все такое? А вот и не уел! Я вот этими самыми руками с пятнадцати лет домой несу! Я этими самыми руками за тридцать лет работы на автомобиль «москвич» натаскала и на кооперативную двухкомнатную квартиру! А ты чего для своей жены сделал?

– Да я... Да я сегодня премию получил! Вот! Меня на работе ценят! – закричал Серёга и шлёпнул на стол двести рублей.

– Ой, правда, что ли, премия? – воскликнула Люба и, взяв в руки две сотенных, посмотрела их на свет, словно ей не верилось, что они настоящие. А тёща лишь усмехнулась и покачала головой.

– Двести рублей. С поганой овцы хоть шерсти клок.

– Да ладно тебе, мама. Может, он ещё принесёт.

– Принесёт, как же, – потеряв поддержку Любы, Олимпиада Петровна стал а успокаиваться. – Зашла к дочке на минутку, так он тут же скандал устроил.

– А зачем вы в гости со своей дубовой скалочкой ходите, Олимпиада Петровна? У вас так принято, что ли?

– А ну и что же, я, может, женщина одинокая, ко мне на улице каждый раз пристают. Нужно же чем-то обороняться.

– Пристаю-у-ут? – передразнил Серёга. – Размечталась! Не то что пристают, за километр обегают!

– Перестань терзать маму, Сергей! – вступилась Люба. – Она все делает из лучших побуждений.

– Да, из лучших побуждений. И скалочку тебе дубовую вместо сосновой подарила, и обучает, как мужа бить, чтобы наверняка угробить уже. Я поражаюсь, Олимпиада Петровна, как вы ещё стальную скалочку дочурке не подарили. Чтобы как удар, так сразу и труп.

– Все, Люба! – обиженным голосом объявила тёща. – Этого я потерпеть не могу и сейчас же уезжаю. Ноги моей у вас больше не будет, Сергей Викторович! Ни одной ноги! – С этими словами она направилась в прихожую, а довольный Тютюнин вышел на кухню. Не часто ему случалось утереть Олимпиаде Петровне нос, однако сегодня это удалось.

Скоро в прихожей хлопнула дверь, и Люба пришла на кухню.

– Сергей, – произнесла она сухим, почти официальным тоном. – Нам с тобой нужно поговорить.

– А можно попозже, а то я жрать хочу?

– Попозже нельзя, Серёжа. – Люба присела на табуретку рядом с мужем и, посмотрев ему в глаза, сказала:

– Мне мама про тебя страшную вещь рассказала.

– Ну и что? – не глядя на жену, отозвался Сергей, проверяя по кастрюлькам, что привезла тёща на этот раз.

– Мама сказала...

– Ну?

– Мама сказала, что...

– Ну что твоя мама сказала?

– Что ты, Серёжа, возможно, еврей.

6

Не выходя из кухни, Сергей созвонился с Окуркиным Лехой, который по случаю пятницы пораньше сбежал с работы.

Окуркин работал на ложкоштамповочном предприятии, где зарплату не платили месяцами. Поэтому он мог как угодно нарушать дисциплину, не боясь, что его за это попрут с производства.

До того как стать мастером ложкоштамповки, Леха три года отработал в лыжезагибочном цехе. Дело ему нравилось, однако постоянные недоразумения из-за выяснения места его работы вынудили Окуркина оставить лыжи.

Происходило это очень просто. Стоило кому-то спросить Леху, где он работает, следовало вполне нормальное пояснение:

– На лыжезагибочном станке.

– Да? И что вы на нем делаете?

– Лыжи загибаю, – спокойно объяснял Окуркин.

– Кому? – тут же следовал насторожённый вопрос.

– Кому скажут, тому и загибаю, – честно признавался Леха. – Это же не я сам решаю. Для этого другие люди есть, – добавлял он, повергая собеседника в замешательство.

Случалось, что нервные граждане даже писали на Леху заявления, обвиняя его в посягательстве на их жизнь. Устав от подобных недоразумений, Окуркин ушёл с любимой работой и подался в ложкоштамповку.

Перекинувшись по телефону с Лехой парой слов, Тютюнин уговорился встретиться с ним через полчаса и отправиться на старый стадион «Локомотив». По пятницам там проходили международные встречи команд восьмой лиги. Билеты распространялись по смехотворным ценам, а потому на трибунах был полный аншлаг.

Наскоро перекусив ворованными тёщей голубцами, Серёга сказал Любе, что идёт на футбол, и, подхватив большой полиэтиленовый мешок, выскочил из квартиры.

Возле подъезда он снова встретился со старухой Гадючихой, которая плела интриги, нашёптывая что-то на ухо другой пенсионерке.

Когда Тютюнин подошёл к остановке, Леха уже стоял в условленном месте и поплёвывал на асфальт.

– Ну ты меня подставил со своим дихлофосом американским! – с ходу начал Тютюнин.

– А чего не так с дихлофосом? – спросил Леха.

– Этот дихлофос не от моли, а от людей оказался.

– Да ты что?

– Вот и что. Я его против насекомых применил, так чуть сам дуба не дал и весь «Втор-мехпошив» не потравил. Меня даже уволить хотели...

– То-то у Митяя такая рожа довольная была, когда он мне пузырьрёк дарил, – начал напоминать Окуркин. – Я ведь ему бритву свою отдал. Вот сволочь.

Подошёл автобус, из которого вывалила толпа усталых пассажиров. Друзья заскочили в салон и сейчас же навалились на толстую тётку-кондуктора.

– Ну? – строго спросила она с такой интонацией, что сейчас же напомнила Серёге его тещу.

– А мы чернобыльцы, у нас льготы, – не очень убедительно заявил Леха, показывая какую-то затёртую книжку.

– Или берете билеты, «чернобыльцы», или вылетаете на следующей остановке.

– Берём билеты, – согласно кивнул Серёга и отдал тётке деньги.

Когда друзья заняли место у окошка, Леха толкнул Тютюнина в бок и спросил:

– Ты чего это какой-то не такой? Надо было поспорить с ней, а ты сразу: берём билеты.
– Ладно, – отмахнулся Серёга. – Я сегодня самовар прихватил медный – на десять кило чистого металла!

– Да ты что? Значит, завтра гуляем?

– Гуляем!

– Эх... – Леха поморщился. – Не получится завтра. Я в деревню еду. Кстати, не хочешь мне помочь?

– А чего делать надо?

– Да прабабка моя померла. Наследство оставила – дом и два сарая. Надо ехать..., это..., во владение вступать. Моей Ленке не терпится – прямо завтра и поедем.

– А чего, давай, – сразу согласился Серёга, хотя внутренний голос советовал ему остаться дома. – Отпуск у меня только в сентябре, а шашлычка поесть хочется.

– Шашлычок будет, только с этим делом... При жене, сам понимаешь, нельзя. К тому же я за рулём.

– Понимаю, – согласно кивнул Тютюнин. – Но завтра только суббота, а будет ещё и воскресенье.

– Будет, – согласился Леха. – Хотя в субботу тоже можно чего-то придумать.

На остановке «Чатланский завод» друзья вышли и направились прямо к стадиону. Туда уже стекались толпы подвыпивших граждан, которые несли с собой авоськи с баночным пивом, и это радовало Серёгу с Лехой больше всего, поскольку они ходили на матчи не для спортивного удовольствия, а только корысти ради. Окуркин и Тютюнин контролировали половину пространства под трибуной Б-4, куда во время матча обильно сыпались пустые алюминиевые банки – бутылки на стадион приносить не разрешалось, чтобы их потом не швыряли на поле.

Время от времени на территорию под трибунами покушались бомжи из соседнего района, однако местная баночно-алюминиевая мафия давала чужакам достойный отпор.

– Кто сегодня играет? – спросил Леха у синюшного мужика в обоих левых ботинках.

– «Басмач ятаган», Турция, и «Обувщик» из Пескоструйска, – довольно внятно произнёс тот. – Принимаются ставки на результат игры.

– Так ты значит этот..., брокер?

– Букмекер, – поправил синюшный. – Угадаете исход матча – пол-ящика пива ваши.

– Нет, мы здесь по работе, – ответил за Леху Тютюнин, видя, что тот при упоминании пива стал доверчиво улыбаться маклеру. – Пойдём, нам ещё порядок навести нужно.

– Ты прав, нужно успеть до начала, – согласился Окуркин. Под порядком подразумевалась уборка того, что накапливалось под трибунами за неделю между матчами.

На месте они застали своего соседа – пятнадцатилетнего Азамата.

Тот приветливо помахал им, блеснув чёрными глазами. Прежний хозяин этой территории за долги отдал её брату Азамата, который торговал на рынке фруктами.

По-русски мальчик говорил плохо, однако соседи хорошо друг друга понимали. Азамат вёл бизнес честно и никогда не спорил из-за банок, падавших на демаркационную линию. Он великодушно отбрасывал их на сторону Сергея и Лехи.

Несколько раз после футбола за Азаматом приходили бритоголовые, однако Леха, хотя и был невысок ростом, умело действовал «пальцем» от танковой гусеницы, который он всегда держал под трибуной.

Подчистив территорию и приготовив камни – «прессовалки», которыми плющили банки, Тютюнин и Окуркин стали прислушиваться к тому, что происходило наверху.

Болельщики беззлобно ругались матом, обещая туркам нелёгкую жизнь, и открывали банки с шипящим тёплым пивом.

Скоро началась игра, и первая тара полетела под трибуны.

Серёга работал на подборе банок, а Леха прессовал их в алюминиевые пяточки. За хорошую игру друзья набирали до трех тысяч банок и, если бы не плющили их, могли бы увезти урожай только на самосвале.

Вскоре турки забили гол.

– Басмачей на мыло! – стали кричать с трибун, и вниз полетели недопитые банки – признак неудовольствия.

Пришлось Серёге выливать пиво на землю, что вызывало у Лехи тяжёлые вздохи. Вылитое пиво было очень жалко.

Игра стала выравниваться, и банки падали с равными временными интервалами по всей площади трибуны.

Азамат быстро собирал их на своей половине и лишь слегка приминал ногами, прежде чем бросить в мешок, – за ним заезжал брат, а потому проблем с транспортировкой у него не было.

Скоро начало темнеть, однако банки сыпались исправно.

– Я уже пятнадцать сотен насчитал... – сообщил Окуркин, который, словно ложкоштамповочная машина, без усталости плющил алюминий.

– Хорошо... – сказал Тютюнин.

Под конец матча «Обувщик» начал отыгрываться. Пиво полилось рекой, и Серёга почувствовал, что ему становится жарко. Леха застучал камнем чаще, а сосед Азамат даже стал что-то напевать.

– Две пятьсот! – крикнул Окуркин, утирая со лба пот. «Обувщик» снова атаковал, и трибуны гудели от дружного рёва.

«Сегодня будет рекорд, – подсказал Серёге внутренний голос. А затем добавил: – А в деревню ты бы лучше не ездил».

Наконец «Обувщик» сравнял счёт, и банки обрушились настоящим цунами. У Серёги от напряжения стали подрагивать коленки, а Леха выдыхал воздух с каким-то хрипом, однако не сдавался и лишь время от времени нервно похихатывал.

– Три семьсот двадцать семь! – торжественно объявил он, когда марафон наконец закончился и болельщики стали покидать трибуны.

Серёга помог другу уложить все заготовки и попробовал приподнять раздувшийся мешок. Это оказалось не так легко.

Мимо, словно стая волков, прошли бритоголовые. Они недобро покосились на Азамата, однако раскрасневшееся лицо Лехи Окуркина отпугнуло их.

– А вон и Сайд! – заметил бежевую «шестёрку» Тютюнин, и Азамат приветливо помахал брату рукой.

В последнее время Сайд подвозил Леху с Сергеем, вместе с их товаром. Алюминий они тоже сдавали вместе, в подпольном пункте какого-то земляка Сайда и по более высоким ценам.

Пока грузили добычу, неподалёку происходила драка. Точнее, не драка, а избиение. Били букмекера, который за время матча успел пропить все доверенные ему ставки.

Неподалёку стоял милицкий сержант и со скучающей физиономией наблюдал за процессом. Его тоже угораздило поставить на результат, и теперь он мстил букмекеру чужими руками и ногами.

Видимо, решив, что тому уже хватит, он вяло разогнал народных мстителей и, махнув рукой, подозвал машину с клеткой.

– Хорошо денёк прошёл, – сказал довольный Леха, когда они погрузились в «шестёрку» Сайда.

– Да, неплохо, – согласился Серёга. – Очень неплохо.

7

Домой Тютюнин пришёл в одиннадцатом часу. Не очень поздно, да к тому же трезвый. Каково же было его удивление, когда жена встретила его потоком бранных слов и своей любимой скалкой.

Натренированный Серёга увернулся от пары ударов, опрокинул стул и журнальный столик, однако в лоб все же получил.

– Ты что! – завопил он. – Я же трезвый!

– Не важно! – наступала Люба, на практике отрабатывая выпады и развороты.

Пробегая мимо софы, Тютюнин подхватил подушку и что есть силы швырнул её в жену. От неожиданности Люба потеряла равновесие и со всего маху грохнулась задом об пол.

В шкафу зазвенели рюмки, а снизу шваброй в потолок застучали соседи.

– Сволочь ты, Тютюнин! – крикнула Люба и поползла за обронённой скалкой.

– Да ты объясни, в чем дело?!

– В чем? Ещё спрашиваешь, харя твоя бесстыжая?! А любовницу себе кто завёл?

– Какую ещё любовницу? – опешил Сергей.

– Такую... – Люба шмыгнула носом и достала из кармана кусочек серого картона с телефоном. – Вот, у тебя в кармане нашла...

– А где тут написано, что это любовница?

– Не написано, зато духами пахнет... Ты нюхай, нюхай!

Тютюнин понюхал. Действительно, врачиха Света злоупотребила духами.

– А ты звонить по этому телефону пробовала?

– Это зачем ещё?

Люба поднялась с пола, однако Серёга на всякий случай все ещё держался от неё на безопасном расстоянии.

– Затем, что проверить бы следовало, прежде чем на человека с дубиной бросаться. Тебе это в голову не приходило?

– Не-а, – призналась Люба. – Я маме позвонила, а она сразу сказала – бей его...

Решив не откладывать проверку в долгий ящик, Люба сейчас же набрала указанный номер и, когда ей ответили, переспросила:

– Куда, вы говорите, я попала? В морг?!

В испуге бросив трубку, она отскочила не середину комнаты и уставилась на Сергея широко раскрытыми глазами.

– Говорят – морг, Серёж. Откуда у тебя в брюках морг?

– Да в чьей-то шубе в кармане валялся. Я выбросить хотел, да, видать, забыл.

Чувствуя за собой вину, Люба собрала мужу поздний ужин и, глядя, как он ест, тяжело вздыхала.

– Я завтра с Лешкой и Ленкой его в деревню еду, – сообщил Тютюнин между пирожком и киселём.

– Я знаю, – снова вздохнула Люба. – Лена мне звонила. Говорит, они с Лешкой наследство получили.

– Ничего, и мы когда-нибудь получим, – усмехнулся Тютюнин. – Двухкомнатную квартиру, бывшую кооперативную, и старый проржавелый автомобиль «москвич».

8

Наутро пришедшего на кухню Серёгу ожидал небольшой сюрприз. На столе стоял начищенный до блеска самовар. Тот самый, который он притащил, чтобы сдать на цветной лом.

– Удивился, да, Серёж? – лучась радостью, спросила Люба. – Это я до двух ночи драила медяшку, чтобы тебе приятное сделать.

– Ну чего... – Сергей пожал плечами, не зная, что сказать. Самовар, хотя одна ручка у него отсутствовала, а на корпусе красовались несколько глубоких вмятин, действительно смотрелся очень нарядно.

– И крантик, Серёж, работает! – похвалилась Люба. – А воду я кипятильником закипятила. Садись чай пить.

Серёга сел и попил. А перед уходом поцеловал жену, показывая, что за вчерашнее недо-разумение зла на неё не держит.

Едва он открыл дверь на лестничную площадку, как на пороге показался любимец его жены – кот Афоня, который отсутствовал дома двое суток.

– О, нашлась пропажа! – всплеснула руками Люба и, подхватив Афонию, потащила его в ванную – купать.

«Ну и хорошо», – неизвестно почему подумал Серёга и прикрыл дверь.

Возле подъезда его уже ждал Леха на своём «запорожце» канареечного цвета, с женой Леной на заднем сиденье. Весила она немало, оттого жёлтая машинка, казалось, вот-вот встанет на дыбы.

– Когда-нибудь я куплю себе другой автомобиль, – бывало, говорил Леха, сидя за стаканом. – Но «запорожца» этого я не продам ни за какие деньги. Веришь, Серёг?

– Верю, – обычно говорил Тютюнин, поскольку из личного опыта знал, что не соглашаться с Окуркиным, когда он в таком состоянии, нельзя. В противном случае Леха либо лез в драку, либо начинал рыдать и рвать на себе рубаху. И неизвестно, что было хуже.

– Вот веришь ли, миллион баксов мне давай – не возьму. В руки пихай, а я не продам. Веришь?

В принципе, Леху можно было понять. Он в этот «запорожец» вложил больше сил, чем завод-изготовитель. Окуркин даже взялся лудить весь его кузов, однако, сточив за полгода четыре паяльника, ограничился только днищем.

– Привет, Мишка Квакин! – басом поздоровалась с Сергеем Елена. Она всегда называла его Квакиным, поскольку её любимой и единственной в жизни книгой была «Тимур и его команда».

Она повсюду таскала её с собой и даже теперь, сидя на заднем сиденье «запорожца», перелистывала страницы с полуистершимися буквами.

– Пассажирам пристегнуться! – громко объявил Леха, пролезая на своё место. – Начинаем заезд для иномарок в классе «Формулы-1», до деревни Гуняшкино!

Мотор машины задребезжал, застучал, затрясся и, дёрнув коробку с пассажирами, тяжело поволок её по асфальту.

9

До Гуняшкина доехали довольно быстро – часа за три. И за всю дорогу Леху только один раз остановил гаишник.

– А чего это твоя помойка так свистит? – спросил он.

– Так это турбина, – просто ответил Окуркин, не моргнув глазом. Автоинспектор обошёл «запорожец» вокруг, однако проверять турбину не стал. Так отпустил.

– А правда, Леха, чего у тебя там свистело? – поинтересовался Тютюнин, когда они уже въезжали в Гуняшкино.

– Да свисток он в трубу запихал, – пояснила Елена. – Взрослый человек, а туда же.

Прокравшись по заросшим лебедой обочинам, «запорожец» остановился напротив скособоченной избы, стены которой поросли мхом, а кирпичная труба, казалось, вот-вот должна была завалиться.

– Ты на дом не гляди, – предупредил Окуркин, выбираясь из машины. – Дом я новый отстрою. Ты смотри, сколько здесь земли – поместье, е-моё.

– И речка близко, – добавила Лена, с кряхтением пролезая через узковатую дверь. – Давайте выгружать продукты и лопаты, и сразу приступайте к делу, а то, если вас, алкоголиков, сразу работать не заставит, потом толку мало будет.

– Аче делать-то надо? – спросил Серёга, вдыхая полной грудью чистый воздух.

– Сначала погреб разберём. Там у прабабки каких-то солянок понаставлено. А потом лебеду в огороде палками посшибаем – и все, отработали, – сообщил Леха.

– Зачем лебеду-то сшибать? Может, её косить надо?

– Не надо косить. Просто мне нужно масштаб будущих работ определить.

– Каких ещё работ?

– Ну, картошку мы с Ленкой решили посадить.

– В июне?

– А почему нет? Но если не успеем, то в зиму закопаем.

– А в зиму разве закапывают? – усомнился Тютюнин.

– Конечно закапывают, – уверенно заявил Леха. – Слово «озимые» слышал? Осенью сажают, а по весне выкапывают – все просто. Ну, пошли в погреб.

– Сначала костерок мне разожгите, работяги. А то как же я вам обед приготовлю? – напомнила Лена, стоя над узелками со снедью.

Глядя на неё, Сергей подумал, что работу по сшибанию лебеды стоило бы поручить ей, поскольку по телосложению супруга Лехи походила на начинающего боксёра-тяжеловеса.

– Ладно, сама разожжёт, не маленькая, – отмахнулся Окуркин. – И вообще, давай лучше печку в доме растопим.

– Нет уж, лучше я здесь. Ну его, этот дом – меня там жуть пробирает.

«Жуть пробирает», – мысленно повторил Тютюнин и ещё раз взглянул на скособоченную избушку. Теперь он понял, что чувствовал с самого утра или даже со вчерашнего вечера. Пусть не так явно, как сейчас, но это были те же ощущения.

Его пробирала жуть.

10

Внутри дома было прохладно, если не сказать – холодно. Бревенчатые почерневшие стены не держали тепло и больше напоминали отсыревший камень.

Под потолком, тут и там висели пучки каких-то трав. По углам лежали на полу отшлифованные, похожие на гальку камешки.

– А свет здесь где включается? – поинтересовался Серёга.

– Да нет здесь никакого света. Электричество сюда три раза проводить пытались. Сначала после революции, потом в тридцать седьмом и ещё в пятьдесят третьем году.

– И что?

– Не дошли. Говорят, болота забирали к себе монёров.

– Что значит забирали?

– Ну, утопили все.

– Ничего себе сказочки. – Серёга нервно засмеялся.

– Да ладно, – успокоил его Леха, – у меня здесь лампа есть керосиновая. Пойдём, она возле печки осталась.

Во второй, довольно просторной, однако такой же мрачной комнате стояла большая печь. Пожалуй, даже очень большая, хотя выросший в городе Серёга никогда печей не видел.

– Какая здоровая печка, Лех. Зачем она такая? – спросил Тютюнин, в то время как Окуркин ожесточённо встряхивал лампу, чтобы пропитать фитиль керосином.

– Откуда я знаю – я че, Пушкин? Наверно, здесь эти пекли..., караваи.

Среди ухватов и кочерёг, стоявших возле печи, особенно выделялась широкая лопата. Такая широкая, что, если бы Тютюнин на неё сел и обхватил коленки, его запросто можно было бы задвинуть в жерло огромной печи. Серёга хотел убрать заслонку, чтобы заглянуть внутрь печи, но побоялся.

– Ну вот, – бодро произнёс Леха, когда ему удалось наконец разжечь керосиновую лампу. – Теперь полезли в погреб.

– Слушай, а фонарика у тебя нет?

– Фонарика? – Окуркин почесал макушку и хмыкнул. – Действительно, нужно было фонарик прихватить. Но тут уж ничего не поделаешь. Пока попользуемся лампой.

– А это что такое? – спросил Тютюнин, указывая на ржавую цепь, которая одним концом крепилась к вбитой в стену скобе, а вторым заканчивалась на ржавом ошейнике с клёпкой вместо замка.

– Да хрен его знает. Может, старушка здесь собачку держала.

– На такой цепи не то что собачку, медведя можно держать, – заметил Тютюнин.

– Слушай, Серёг, остынь. Откуда я знаю – я ж не Пушкин. Пошли лучше в погреб.

В погреб пришлось спускаться по скрипучей лестнице, которая, казалось, вот-вот обрушится.

– Не бойся, я уже на земле стою! – крикнул откуда-то снизу Леха, и в темноте заметался огонёк его лампы.

Вскоре и Тютюнин закончил долгий спуск, а когда посмотрел вверх, то не обнаружил там светлого квадрата.

– Неожиданно, да? – спросил довольный Леха. – Я когда здесь первый раз был, так чуть не обделался. Это обманный эффект такой.

– Оптический? – уточнил Серёга, у которого по физике в школе случались четвёрки.

– Ну ты спросил! Пойдём лучше, я тебе магазин покажу.

Леха повернулся и пошёл по какому-то туннелю. Тютюнин, чтобы не отстать, поспешил за ним.

– Вот, смотри! – Леха осветил лампой старые деревянные полки, на которых стояло множество склянок с самым разным содержимым.

– И что же это такое? На варенье не похоже.

– Конечно не похоже. Это бабулины притирки, мази, настойки и прочая природная аптека.

– А зачем ей так много нужно было? Она что, сильно болела?

– Ты, Серёг, в не правильном направлении мыслишь, – с наставительными интонациями произнёс Окуркин. – Ты бы лучше поинтересовался, на чем эти травки настаивались.

– Неужели все это? – От промелькнувшей догадки Тютюнину стало теплее.

– Да, Серёг, все это или почти все настояно на чистойшей деревенской самогонке. Так что нам тут работы непочатый край.

– Здорово! Вот только закуски нет.

– Закуски нет – тут ты прав. Но если б Ленка заметила, что мы с собой харчи потащили, расправа была бы скорой и жестокой.

Леха приподнялся на цыпочки и снял с полки приглянувшуюся ему трехлитровую бутыль.

– А как же ты за руль потом сядешь? – вспомнил Тютюнин.

– Да пока мы с тобой траву рубить будем, все выветрится. А когда пообедаем, вообще следа не останется. И потом, чего бояться – у меня ж в «запорожце» турбина!

11

При свете керосиновой лампы содержимое трехлитровки светилось как янтарное. Леха открыл пластмассовую крышку и дал Серёге понюхать.

– О-о! – протянул Тютюнин. Он был приятно удивлён тонким фруктовым запахом, поскольку ожидал чего-то совершенно другого. Им с Лехой приходилось пить такие вещи, что врачи из «скорой помощи» только удивлялись, как пациенты к их приезду ещё оставались живы. А тут – сюрприз. Дивный фруктовый аромат.

– Из банки, что ли, будем? – спросил Тютюнин.

– Ну зачем из банки? Это харчи принести сложно, а стаканчики – вот они!

С этими словами Леха движениями фокусника открыл с лёгким щелчком два раскладных стаканчика.

– Попрошу наполнить, – сказал он, подставляя стаканы, и Серёга налил из банки по первой порции. Затем вернул её на полку и принял от Лехи стопочку.

– За что пьём?

– За удачное начало рабочего дня! – провозгласил Леха. – И чтобы Ленка не дозналась. Ну, поехали...

Оба друга одновременно опрокинули свои порции и, следуя традициям школы, выдохнули пары.

– Хорошо пошла, – заметил Тютюнин.

– Лучше не бывает. И закуски никакой не надо.

– По второй?

– Не возражаю...

– Стоп! А где банка? И где полки? Где все, Леха?

Тютюнин огляделся и понял, что находится в ярко освещённом помещении с неясно очерченными стенами. Они как будто состояли из утреннего тумана.

– Какая-то хреновина, Серёг, – подал голос Окуркин.

– О, и ты здесь! А я думал, это только мой глюк.

– Видать, общий, – сделал вывод Леха.

Неожиданно прямо из туманной стены выплыл какой-то размытый осьминог. Он подплыл к Серёге с Лехой поближе и издал нечто похожее на «бу-бу-бу».

– Мама родная! Кажись, опять «белая» началась! – страшным шёпотом произнёс Леха.

– Не болтай. Одновременно у двоих «белая» не бывает, – не слишком уверенно заметил Сергей.

Между тем осьминог принял обличье шара, и вокруг него закрутились шарики поменьше, которые теснили друг друга и обступали Леху и Сергея со всех сторон.

– Бу-бу-бу-бу? – пробубнил самый большой шар.

– Он чего-то спрашивает, Серёг.

– Вроде да, – согласился Тютюнин. А затем его осенило:

– Так это ж инопланетяне, Леха! Собратья по разуму!

– А как мы к ним попали? – спросил Окуркин, испуганно косясь на наплывавший прямо на него шарик. Лехе даже показалось, что он слышит смех.

В прошлом году, когда его забрали прямо с попойки в гараже и отвезли в «дурку», он тоже слышал смех.

«Неужели опять „белая“? – в страхе думал Окуркин. – Завяжу! Честное слово завяжу!»

Большой шар попытался сказать что-то ещё, а затем превратился в красный пластмассовый стул. Из стула перетёк в зеленое яблоко с синими листочками и, наконец, принял обличье толстого китайца в шёлковом малиновом халате.

Маленькие шарики сейчас же превратились в дюжину шумных китайчат, и те забегали по дощатому полу просторной беседки, стенами которой теперь служили увитые плющом деревянные решётки.

– Как сложна аднака на вас настроица. Уй как сложна! – произнёс китаец и, подойдя к Серёге, потрепал его по щеке. – Хороший панарепа! Большой панарепа! Вкусный панарепа!

Затем то же самое он проделал с Лехиной физиономией и также остался ею доволен.

– Тебя мы кушать сегодня, – пообещал китаец Окур-кину. – А его – завтра! – добавил он, указывая на Серёгу.

Услышав это, китайчата радостно заулюлюкали и стали собираться вокруг Лехи.

– Ну-ка, минуточку, уважаемый, – откашлявшись, начал Серёга. – Мне кажется, здесь какая-то ошибка. Мы с приятелем никакие вам не панарепы. Мы люди. И, если уж на то пошло, мы граждане Российской Федерации...

– А-а, – закивал китаец. – Твоя хочет съели сегодня, а его, – тут он указал на Леху, – скушали завтра?

– Не совсем так. Просто мы попали к вам случайно и ещё не знаем, какие здесь порядки. Хотелось бы услышать ваше имя. Вот меня зовут Тютюнин Сергей. Моего друга – Алексей Окуркин. А как вас зовут?

– Я хочу твоя кушать, – расплываясь в счастливой улыбке, произнёс китаец, словно не слышал вопроса. Затем он нежно дотронулся до Серёгина локтя и певуче произнёс:

– Хочу кушать твоя сейчас...

Окуркин и Тютюнин переглянулись.

– Это людоеды какие-то, – пришёл к выводу Леха. – А давай им навалием, чего с ними разговаривать? Сейчас я этому толстому в пятакину дам.

– Постой, – одёрнул его Серёга. – Неизвестно, сколько их тут вокруг сшивается. Нужно попытаться с ними договориться, Восток – дело тонкое.

– Моя хочет кушать, – произнёс китаец и, схватив Серёгу за рукав, потащил за собой.

– Ну-ка стоять! – закричал Окуркин и рванулся на выручку, однако милые, похожие на кукол китайчата неожиданно преобразились, и их стальные, с крючьями вместо зубов челюсти защёлкали у Лехи перед носом.

Тот в ужасе отпрянул, а его друг Тютюнин принялся отбиваться от настойчивого китайца. Однако это было не так просто. Людоед оказался таким сильным, что старания Тютюнина больше походили на трепыхание мотылька в лапах льва. Поняв, что гибель близка, Серёга заорал, как раненый Тарзан, и этим вывел китайца из себя.

– Ну пачиму твоя шуметь, а?! – строго спросил тот. – Ничего не больна – твоя понимаешь? Ничего не больна. Твоя засыпать, а мы кушать.

– Вы не имеете права меня есть! Я член профсоюза! Я не хочу умирать, у меня жена Люба дома осталась!

– Пачиму твоя шуметь, а? – снова принялся за своё китаец. – Твоя же мамбаца пил? Зачем пил мамбаца, если не хочешь твоя кушать мы?

– Так..., эта хреновина мамбацей называлась? – перестав шмыгать носом, спросил Серёга.

– Мамбаца, – кивнул голодный китаец. – Если попил, стал мой панарепа. Хороший панарепа. Вкусный панарепа... Я на твоя настраивался, много сила потерять, детки тожа кушать нада, а твоя почему не хотеть?

– Прости меня, Серёга, это я виноват! – прорыдал Окуркин из угла беседки, куда его загнали зубастые китайчата. – Старушка меня подставила-а! Предложи ему выкуп, Серёга! Слушай, хунвейбин, забирай мой «запорожец», у него днище лужёное! Только нас отпусти!

– А «запорожца» хороший панарепа? – тут же заинтересовался китаец.

– Хороший, хороший, – закивал Тютюнин. – Железный, крепкий, ты на нем до пенсии кататься будешь...

– Нет, моя мяса нада. Мяса панарепа.

– Тогда колбаски! – дрожащим голосом произнёс Серёга. – Вкусной колбаски, панарепистой. Костей в ней нет, только чистое мясо. Твоя любить мясо, хунвейбина?

– Где твоя колбаски?

– Моя колбаски дома. Отпусти меня домой, и мы с Лехой тебе дадим колбаски.

– Сыкока колбаски? – спросил китаец и по-собачьи склонил голову набок.

– Столько, сколько мы сами весим – кило в кило.

– Харашо. Будем твоя вешать.

В ту же секунду китайчата сбились в кучу и, задымившись белым туманом, превратились в старые складские весы, какие Серёге доводилось видеть на овощной базе.

– Твоя вставать, – сказал китаец. Тютюнин повиновался. Хунвейбин защёлкал грузиками, толкая их туда-сюда, а затем объявил:

– Сто пятьдесят кило.

– Врёшь, – не удержался Серёга. – Всегда семьдесят пять было.

– Моя ошиблась, – ответил китаец и смущённо заулыбался. – Семьдесят семь... Теперь давай Леха мерить.

Едва передвигая ноги, Окуркин взобрался на весы и попытался улыбнуться, от чего его щека задёргалась.

– Семьдесят кило – ровна, – сообщил китаец. Едва Окуркин сошёл с весов, как те снова превратились в дюжину детишек неопределённого пола.

– Твоя пиши адрес, – велел китаец и материализовал, снова прямо из воздуха, кожаную папку с листом бумаги и авторучку. – Твоя пиши подробно.

– Не беспокойтесь, я вас не обману, – заверил Серёга и, собравшись с мыслями, вывел первые строчки: «Планета Земля, Российская Федерация...»

Потом написал город, улицу, дом и квартиру. А под конец добавил: «К Сергею Тютюнину насчёт колбаски».

Поставив точку, он вздохнул и отдал документ китайцу.

– Харашо. Скоря приеду, – сказал тот и, сложив лист вчетверо, спрятал его куда-то под халат. – Однака идите.

– А куда теперь идти? – уточнил Тютюнин. – Где тут аэропорт или вокзал какой?

– Твоя вокзал не нада. Твоя прямо идти и сразу домой.

Поняв, что от китайца большего не добиться, Сергей и Леха быстро ретировались из беседки и оказались в большом запущенном саду, погруженном в уже знакомый им молочный туман.

– Тихо как, Серёг. Ты чего-нибудь слышишь?

– Нет. Похоже, обманул нас хунвейбин.

– А то, что вокруг нас, оно есть или как? В этот момент Тютюнина ужалил какой-то гнус, и он громко вскрикнул.

– Думаю, что есть, Леха. Смотри, как натурально здесь гады кусаются. – Тютюнин потёр укушенное место.

– А чего же они мне в прошлом году все это за белую горячку выдавали, а? Я ведь им верил, Серёг, докторам этим.

– Ладно. Пошли прямо. Может, хоть на кого наткнёмся – дорогу спросим.

– А куда дорогу?

– Домой. Если нормально вернёмся, я, Леха, пить навсегда брошу.

– Ага, Серёг. И я тоже.

И друзья шагнули в наплывающие волны тумана, которые поглотили их целиком, словно никого здесь и не было.

12

Снова оказавшись в погребе, Окуркин и Тютюнин, не сговариваясь, рванули к выходу и, едва не столкнув друг друга с лестницы, выбрались наверх.

При этом каким-то необъяснимым образом Леха все же успел прихватить с собой трехлитровую бутылку – сказала приобретенная и укрепившаяся в нем привычка.

Оба героя выскочили на крыльцо избышки и скорым шагом направились к «запорожцу».

– Эй, вы куда? – удивилась такому их поведению кашеварившая у костра Лехина супруга.

– А? – Окуркин остановился и только сейчас стал понимать, где он находится.

– Чего это у тебя в руках, Алексей? – сразу поинтересовалась жена. – Самогонка, что ли?

– Какая самогонка? – Знакомые подозрения стали приводить Леху в чувство. – С чего ты взяла, Лён? Это ж бензин, семьдесят второй.

– Ага, бензин, – поддержал друга Тютюнин, который на воздухе тоже малость проветрился. – Мы его в багажник поставим и сразу обедать.

– Какой там обедать? Вы ещё траву не поваляли.

– А разве не поваляли? – спросил Серёга у обнимавшего бутылку Окуркина.

– Вроде нет, – ответил тот.

– Тогда нехорошо получается. Клади бензин, и пойдём валять.

– Ага, – тупо кивнул Леха.

Пока эти двое, словно деревянные куклы, устанавливали бутылку в багажник машины, Елена внимательно за ними следила.

– А ну подойдите ко мне, – приказала она. Серёга с Лехой повиновались. Спорить с женщиной, похожей на боксёра, было небезопасно, – Теперь дышите! Окуркин – первый.

И без того не особенно хорошо выглядевший Леха побелел как мел, однако сделал шаг навстречу своей любимой и короткодохнул.

Серёга на всякий случай зажмурился. Он не любил смотреть, когда кого-то избивают.

Впрочем, расправы не произошло.

– Теперь ты, Мишка Квакин.

Тютюнин честнодохнул и посмотрел на Елену. На её лице отражалась напряжённая работа мысли, притом всего одной. Так и не сумев определить, в чем состоит противозаконность поведения мужчин, Елена их отпустила, и Сергей с Лехой принялись за работу.

Они ожесточённо махали палками, сбивая созревшие макушки лебеды, и эта работа доставляла им смутную радость.

В голове у обоих была удивительная пустота, которая защищала их от страшных воспоминаний.

– Эй, хватит! Хватит, я сказала! – закричала Елена, когда увидела, что вошедшие в раж работники принялись вслед за травой крушить покосившийся забор.

– Нет, вы точно чего-то нажрались, а, Окуркин? – спросила Елена, когда Леха и Сергей, оставив колья, уселись возле костра.

– Че? – переспросил Окуркин, и супруга, заглянув ему в глаза, не нашла, что сказать.

– Ладно, обедать будем.

Достав из пакета тарелки, Елена налила работникам горячего супа, и те принялись за еду.

– Эй, вы куда спешите, он же огненный! – предупредила Елена. – Нет, ну вы сегодня точно чоканутые...

13

Домой возвращались молча. Леха рулил словно робот, не совершая ни единой ошибки и не нарушая правил, однако инспектор ГАИ их все равно остановил.

- Нарушаем, гражданин водитель, – произнёс он, нагибаясь к окошку.
- Кто? – тупо спросил Леха, и хитрая улыбочка на лице гаишника разом исчезла.
- Где? – в свою очередь произнёс он.
- А вы, товарищ майор, китайцев здесь не встречали? – вклинился в разговор Тютюнин.
- А какие они из себя?
- Один толстый, – начал вспоминать Леха, – а остальные маленькие.
- И сколько этих, которые маленькие? – совершенно серьёзно стал уточнять майор.
- Примерно двенадцать штук.
- Понял. Предупреждён, значит, вооружён... Счастливого пути.
- Гаишник козырнул, и «запорожец» поехал дальше.
- Какой-то он странный, – оглядываясь назад, заметила Елена.
- Да нет, – возразил ей Леха. – Просто человек хороший...

До города они доехали без проблем и подкатили к гаражу ещё засветло. Пока Окуркин ставил машину, Тютюнин ожидал его, сидя на старой крыше.

Леха запер гараж и присел рядом с Серёгой.

- Как ты думаешь, это были инопланетяне? – спросил Окуркин.
- Может, и инопланетяне, – пожал плечами Тютюнин.
- А зачем они нас похищали?
- А они нас похищали?
- Конечно. С полстакана настойки я ещё ни разу никуда не перемещался. Только два раза в больницу – было дело. Но там же все люди были – и санитары, и врачи.
- Может, им нужна была информация? – предположил Серёга.
- А какая у нас информация? Мы ж не депутаты какие-нибудь.
- Это да.

Вскоре в сопровождении Елены появилась жена Тютюнина.

– Вот, Любаш, передаю тебе из рук в руки, – прокомментировала Лехина половина. – Какие-то они квёлые, но вроде ничего не пили.

Люба забрала Сергея, и они ушли. А Леха ещё какое-то время сидел на крыше, а потом спросил:

- Лён, а ты НЛЮ хоть раз видела?
- А к чему это ты?
- Да так просто. – Леха поднялся с крыши и махнул рукой. – Ладно, пошли лучше домой.

14

Наутро Сергей Тютюнин чувствовал себя в общем хорошо, если не считать некоторой слабости и желания чего-нибудь сделать по дому.

Желание это было таким сильным, то Тютюнин починил подтекавший кран и помыл четыре тарелки, чем вызвал у супруги сначала радость, а затем насторожённость.

– Давай сходим на воскресную дневную пьесу, – неожиданно предложил Серёга, сам не зная почему.

– А... – В первое мгновение Люба растерялась, потом спросила:

– А это где?

– Тут недалеко, через четыре остановки народный театр есть. Называется как-то... «Цитрамон» вроде.

– Цитрамон, Серёжа, это таблетки.

– Нет, таблетки – это анальгин. А, вспомнил – «Центурион»! В двенадцать часов там представление начинается.

– Ну давай, – согласилась Люба. – А кто поёт?

– Да никто не поёт. Пьеса там.

– Ну пускай пьеса. Я тогда свой сарафанчик новый надену. Который с петухами. И подкрашусь – мне мама такой обалденный набор косметики достала – закачаешься.

Через какие-нибудь полтора часа Люба была готова. Весь набор дарёной косметики присутствовал на её лице.

– Ну как? – спросила она, выходя на середину комнаты. Сергей не успел ничего сказать, поскольку кот Афоня, не признав хозяйку, сорвался с нагретого кресла и, пробив на окне сетку, спрятался на балконе.

– Ой, Афоша, что это с тобой? – забеспокоилась Люба и хотела проникнуть на балкон, однако перепуганный кот вскочил на перила и был готов прыгнуть вниз, лишь бы не достаться ужасному чудовищу.

– Наверно, ему кошку надо, – по-своему истолковав поведение кота, заметила Люба и, подхватив сумочку, последний раз глянула в зеркало. Её боевая раскраска идеально гармонировала с петухами на сарафанчике, и Люба осталась собой довольна.

Серёга нарядился в бежевые хлопковые штаны и рубашку, которую он не надевал, наверное, года три. А потом ещё побрызгался одеколоном.

На улице стояла отличная погода. Было солнечно, но не очень жарко. Картину портила только пенсионерка Живолупова, которая, прячась за кустом сирени, бросала в соседских собак мелкими камешками.

Бросила она и в Серёгу, однако он сделал вид, что не заметил, и это Гадючиху очень задело.

Проехав в полупустом автобусе, Люба и Сергей успели к двухчасовому представлению. Театр располагался в бывшем доме пионеров. На его афише значилось: «Отелло».

– Это я помню, – оживилась Люба. – Это из мультика Маугли: «Отелло промахнулся! Отелло промахнулся!»

– Ладно, давай скорее, а то ещё билетов не хватит.

Возле кассы к ним подошёл синюшный мужик, который показался Серёге знакомым. На этот раз он выглядел ещё более побитым и один глаз у него был полностью закрыт фиолетовым синяком.

– Не желаете сделать ставочки на исход спектакля? – бодро спросил он.

– А какие же тут могут быть варианты? – удивился Сергей.

– Как это какие? – Маклер усмехнулся. – Ты содержание знаешь?

– Нет, – честно признался Тютюнин.

– Ну вот. Ты ж не можешь сказать, кто кого задушит, Отелло – Дездемону или Дездемона – Отелло. Или, может, Яго их обоих порешит. Так что вариантов много.

– Не, – замотал головой Тютюнин. – Нам этого не надо. Ты вон в прошлый раз все деньги пропил.

– А я больше не буду.

– Сказали же – вали отсюда! – вмешалась Люба.

Спорить с женщиной, тем более такой уверенной, как Люба, букмекер не стал и, тяжело вздохнув, отошёл в сторону.

Тютюнины купили билеты и прошли в зал, в котором уже сидели зрители – человек восемь.

– Чего-то пусто, Серёж, – пожаловалась Люба.

– Зато просторно.

Актёры не стали дожидаться полного аншлага и начали спектакль. Серёга сразу задремал, а Люба, напротив, прониклась знакомой атмосферой латиноамериканских сериалов и даже немного поплакала.

«Завтра на работу, – сквозь сон думал Серёга. – Интересно, как там Фригидин? Отмочили его или он ещё слипнутый?»

Время от времени, когда Люба толкала его в бок, Сергей просыпался и произносил: «Ух ты!» Затем снова погружался в липкую дрёму.

Окончательно он проснулся, лишь когда Отелло, Дездемона и Яго запели примирительную песню.

Люба заливалась счастливыми слезами и сморкалась в платок, а Серёга чувствовал себя отдохнувшим и подумал, что правильно сделал, отправившись в театр.

15

Ранним утром, когда будильник Сергея Тютюнина только собирался зазвенеть, на другом конце города, возле парка Зрелых пионеров, случилась природная аномалия.

Кусты возле вагончика паркового сторожа вдруг подёрнулись туманом, который закрутился в тугой жгут и превратился в молодое голое деревце.

Деревце задрожало ветвями и выпустило листочки. Затем оно покрылось белыми цветами, которые тут же облетели, но только из одного из них начал стремительно расти плод.

Из-под дощатого настила, на котором стоял домик с мётлами и лопатами, медленно выполз сторож. Он не помнил, как оказался под домиком, однако не придал этому значения. Подобное случалось и прежде.

С трудом поднявшись с четверенек, сторож посмотрел мутными глазами на увеличивающийся плод и сказал:

– Тоже мне мичуринцы...

Затем повернулся и на полусогнутых ногах поплёлся в сторожку, чтобы вооружиться лопатой. Когда же он вернулся, то не обнаружил никакого дерева.

И снова не удивился. Такое с ним тоже случалось.

– Ох, – вздохнул сторож и запустил пальцы в нечёсаную бороду, в которой было полно сухих листьев и выброшенных трамвайных билетов. Выпить хотелось так же сильно, как и накануне вечером.

– Ох, – вздохнул кто-то рядом. Сторож повернулся и увидел своего двойника. Один в один. И, хотя он давно не смотрелся в зеркало, сразу себя узнал: так страшно – на его памяти – никто никогда не выглядел.

– Ты кто? – спросил сторож и несильно ткнул двойника черенком лопаты.

– Ты кто? – повторил тот.

– Я – Палыч.

– Я... Палыч...

– Ну и хрен с тобой, – махнул рукой сторож и, положив лопату на плечо, заковылял в сторону пруда, где не так давно закопал несколько пустых бутылок. Теперь пришло время их достать.

Его двойник постоял на месте ещё какое-то время, несколько раз повторил фразу «я – Палыч» и отправился к выходу с территории парка.

Несмотря на ранний час, перед воротами стоял крупный лысый мужчина и рассыпал голубям зерно.

– Я хочу быть с вами... Вы так красивы... Я хотел бы всегда кормить вас... – говорил лысый, тем самым подтверждая, что утро – время птиц и сумасшедших.

Двойник сторожа понаблюдал за кормящим голубей человеком и, раздувшись до его размеров, проскрипел:

– Я хочу быть с вами... Вы так красивы... Я хотел бы всегда кормить вас...

Получилось не слишком похоже. Двойник лысого толстяка немного потренировался и двинулся вдоль парковой ограды.

Он долго шёл, никого не встречая, пока не увидел остановку троллейбуса, под козырьком которой стояла юная проститутка.

У неё были точёные ножки, обесцвеченные длинные волосы и свежий фингал под правым глазом.

Двойник толстяка задержал на ней свой взгляд и, остановившись, произнёс:

– Я хочу быть с вами, вы так красивы, я хотел бы всегда кормить вас...

– Че-о-о? – угрожающе протянула проститутка и достала из сумочки кастет. – Повтори, чего ты сказал!

– Я – Палыч.

– Пошёл вон, козёл, пока я тебе рога не поотшибала.

Мимо проехали две машины, потом показался троллейбус. Девушка убрала оружие и, как только двери открылись, заскочила внутрь.

Двери зашипели, и троллейбус уехал.

Двойник лысого издал шипение, имитируя закрывающиеся двери, а затем вздрогнул и уместился в узкую фигурку увиденной девушки. Под глазом проявился живописный синяк. Мгновение спустя с лёгким хлопком материализовалась из воздуха сумочка.

Девушка задумчиво постояла, вспоминая, чего ещё не хватает, потом потёрла двумя пальцами – и на её ладонь лёг кастет.

– Я – Палыч, – произнесла она неженским голосом и, убрав кастет в сумочку, зашагала дальше – к центру города.

16

Примерно к одиннадцати утра девушка остановилась перед рекламным щитом, на котором была изображена большая карта города.

Поискав глазами нужную улицу, она уже собралась идти, когда её руки коснулся смуглый незнакомец.

– Э, «Наташа», давай дружить будем. Да? Сколько стоишь, да?

– Я – Палыч, – ответила девушка.

– А я Мурат, да? Сколько стоишь? Деньги есть, да?

– Я хочу быть с вами, вы так красивы, я хотел бы всегда кормить вас... – заговорила «Наташа» глуховатым болезненным голосом.

– Э-э... – Мужчина на минуту растерялся, но, окинув взглядом ладную фигурку, продолжил переговоры:

– Деньги есть. Я немножко фрукты торгую – есть, говорю, деньги.

– Тоже мне мичуринцы... – невпопад ответила девушка.

– Почему Мичурин? Зачем обижаешь, да?

– Че-о-о? Повтори, чего ты сказал! – В руках «Наташи» появился никелированный каскет, мужчина невольно попятился:

– Ничего не сказал! Уже ничего!

– Пошёл вон, козёл, пока я тебе рога не поотшибала.

Когда незнакомец ретировался, девушка ещё раз проследила маршрут по карте города и зашагала к трамвайной остановке, на которой собирался народ.

Увидев симпатичную блондинку, к ней сейчас же подошёл молодой человек в очках и со скрипичным футляром в руках.

– Прошу простить меня, – несмело начал он. – Я понимаю, что знакомиться на улице неприлично, но... Одним словом, меня зовут Петя. Можно просто Пётр. А как вас зовут?

– Я – Палыч, – прохрипела девушка. Пётр напрягся.

– Прошу меня простить, я, наверное, плохо расслышал. Как ваше имя, вы сказали?

– А я Мурат, да? – снова мужеским голосом, но уже с акцентом произнесла незнакомка. Люди вокруг стали на неё коситься, однако Пётр со скрипичным футляром не сдавался.

– Ка... Кажется, я понял, – сказал он, поправляя очки. – Вы, наверное, перенесли одну из тех операций, которые... Ну... – Пётр снова поправил очки. – Из мужчины делают женщину.

– Тоже мне мичуринцы, – ухмыльнулась девушка.

Подъехал трамвай, и люди, вежливо пихая друг друга локтями, стали набиваться в салон.

Пётр попытался было поддержать незнакомку за локоть, однако та, полуобернувшись, негромко произнесла:

– Пошёл вон, козёл...

Поражённого таким ответом кавалера вытолкнули назад к остановке, и трамвай поехал без него. В вагоне сразу началось «обилечивание».

– У вас что? – спрашивала полная женщина неопределённых лет, протискиваясь между тесно стоявшими пассажирами.

– Проездной.

– Ну так предъявляйте!

– Я предъявил, а вы отвернулись!

– Ну вы же у меня не один! У меня же таких много! И каждого обслужить нужно!

Так, переругиваясь с сердитыми гражданами, кондукторша подошла к молодой девушке.

– Девушка, у вас что?

– Девушка, у вас что? – повторила та.

- Я уже давно не девушка, а вы покажите проездной или ваш билетик.
- Ваш билетик... – произнесла девушка, тщательно подделываясь под оригинал.
- Ты мне ещё шутки здесь будешь шутить, пигалица?! – взорвалась кондукторша.
- Пигалица! – таким же фальцетом отозвалась молодая пассажирка.
- Вот нахалка, – заметила какая-то женщина.
- А я её сейчас выпихну, если она не обилетится! – пригрозила кондукторша.
- Правильно, – поддержала её пенсионерка с фиолетовыми кудрями. – Вон у неё какой фингал под глазом. Небось шалава или наркоманка!
- Да что вы на девушку напали? – заступился мужчина со свежей рыбой в пакете. – Может, она студентка. Может, у неё стипендия маленькая.
- Ага, вот она и подрабатывает, как может! – язвительно заметила пассажирка с фиолетовыми кудрями. – Платице-то едва кой-чего прикрывает! Проститутка она, по глазам видно.
- Вот до чего демократы страну довели, – вступил в разговор полный дядечка с красным носом. – Уже проститутки в трамвае ездят!
- И за проезд не платят! – с задней площадки заметила кондукторша.
- Да что вы к ней привязались, давайте я за неё заплачу – невелики деньги, – снова вмешался мужчина с рыбой.
- Не смейте этого делать! – закричала женщина с фиолетовыми кудрями. – Если за них платить, мы проституцию никогда не искореним!
- А чего она сама-то ничего не отвечает? – поинтересовался дядечка с красным носом. – Может, она действительно того – под балдой?
- Сам ты под балдой! – крикнул ему мужчина с рыбой. – Все им демократы виноваты! Пить надо было меньше, тогда бы и страну сохранили!
- Да прекратите вы трясти своей рыбой! – заверещала какая-то дама. – Вы мне все платье изгадили! В это время трамвай сделал резкий поворот, и пассажиры повалились друга на друга.
- Безобразие! Он что, этот вагоноводитель, пьяный, что ли? – сталкивая с себя красноносого толстяка, завопила владелица фиолетовых кудрей.
- Пойдите, да в кабине же никого нет! – донеслось откуда-то спереди. – Кабина-то пустая! Товарищи! Господа! Он, гад, на ходу выпрыгнул!
- После этого в вагоне поднялась жуткая паника. Кто-то стал звонить по мобильному телефону в милицию и службу спасения, другие высовывались в окна и кричали: «Помогите!» Однако, поскольку кричавших из окон было много, со стороны это выглядело пьяной свадебной компанией сотрудников трамвайного депо.
- Прекратите ор-р-рать! – пробиваясь сквозь мятущихся пассажиров, закричала кондукторша. – Закройте окна и прекратите орать, я сказала!
- Да чего же «прекратите», если водитель сбежал!
- Никто не сбежал! Водитель – это я!
- Как это вы? – спросил сонный мужчина с сачком для ловли бабочек. И все вокруг сразу замолчали. Стало слышно, как постукивают на стыках колёса и сигналият обгоняющие трамвай автомобили.
- Очень просто, я вас обилечиваю, пока трамвай сам идёт до Митюковского рынка.
- У.., у вас там автопилот, что ли? – поинтересовался тот, что был с сачком.
- Да какой автопилот? – отмахнулась кондукторша-водитель. – Кирпич на педаль бросила, и все дела.
- Но кирпич, он же неодушевлённый – как это возможно! Вы.., вы шутите? – Пассажир с сачком начал заикаться.
- Да что вы все дрожите? Это ж трамвай, он никуда с рельс не денется. А на Митюковском рынке на путях стык один разошёлся. Как мы на нем подпрыгнем, кирпич с педали сосмыкнется, и вагон затормозит...

Поражённые таким простым и ужасным объяснением, пассажиры стояли не дыша, пока трамвай не гроыхнул на том самом разошедшемся стыке.

Кирпич с грохотом полетел на пол кабины, тормоза вагона пронзительно закрипели.

Распахнулись двери, и кондукторша-водитель зычно объявила:

– Митюковский рынок!

Половина пассажиров вагона, даже те, кому нужно было ехать дальше, выскочили вон, крича и угрожая жаловаться в министерство трамвайного сообщения. А кондукторша-водитель обругала их матерными словами и перешла в кабину.

17

Позабывая всеми девушка с фингалом сошла на нужной остановке и, отойдя к газетному киоску, стала перебирать в памяти все увиденные образы. Немного подумав, она решительно преобразилась в человека с сачком. Уж больно любопытным ей показался предмет, что он держал в руках.

Ожидая автобуса, человек с сачком неподвижно стоял на самом солнцепёке, не прячась в тень.

Проходившие мимо двое крепких парней остановились под козырьком и, заинтересованно поглядев на странного человека, о чем-то пошептались.

– Эй, ботаник, сколько время? – спросил один из них.

«Ботаник» понял, что обращаются именно к нему, однако лишь покосился в сторону насмешников и ничего не ответил.

– Плохо слышишь, ботаник?

Один из крепышей вышел на солнце и, подойдя к человеку с сачком, заглянул ему в лицо.

– Чего молчишь, чудик? Сказал бы чего-нибудь.

– Митюковский рынок! – неожиданно закричал «ботаник» голосом вагоновожатой.

Стоявший возле него хулиган отпрыгнул так, будто его ужалила оса.

– Митюковский рынок на другой линии, – сообщила сопровождавшая десятилетнего внука бабушка. Конопатый мальчик самозабвенно ковырял в носу и внимательно следил за уличным представлением.

Заметив, что оправившийся после испуга хулиган снова собирается пристать к «ботанику», мальчуган откашлялся и сказал:

– На твоём месте, браток, я бы отошёл от него подальше.

– Это почему? – удивился тот, с интересом уставившись на малолетнего советчика.

– Потому что у него может быть СПИД.

– Да-а? А с чего ты взял?

– Все признаки налицо. Бледность, круги под глазами, сачок в руках.

Подавленный такой информированностью мальчишки, хулиган попятился и быстро отступил к своему товарищу.

– СПИД – чума двадцать первого века, – произнесла бабушка умного мальчика и вздохнула.

– Ба, ты достала уже, – скривился тот.

– Молчу, Саша, молчу.

Подъехал длинный автобус, и в него погрузились все стоявшие на остановке. Все, кроме «ботаника».

Автобус поехал по маршруту, а человек с сачком отправился пешком, приговаривая: «колбаска, колбаска».

Посматривая на названия улиц, он уверенно поворачивал, проходил через дворы и не замечал рычавших на него собак. Наконец, остановившись перед нужной многоэтажкой, «ботаник» отсчитал указанный в адресе подъезд и счастливо улыбнулся.

– Колбаска, – произнёс он, а затем, подумав, добавил:

– Сергей Тютюнин... Тютюнин Сергей...

18

Всю дорогу до работы Сергей опаздывал, однако прибежал во «Втормехпошив» вовремя.

У входа в приёмку он приметил длинный чёрный автомобиль, однако не придал этому значения, поскольку в этом же здании, но в соседнем подъезде располагалось «пип-шоу» и туда часто подъезжали шикарные авто.

Что такое «пип-шоу», Серёга не знал, однако пойти и посмотреть не мог из-за слишком высоких цен.

Оказавшись в родной приёмке, Тютюнин переоделся, нацепил клетчатые нарукавники и прислушался. Странное дело. Обычно приходившие с утра женщины бурно обсуждали в коридоре все новости минувших выходных, а тут – полная тишина, прерывавшаяся какими-то размеренными звуками.

До открытия приёмки оставалось ещё минут пятнадцать. Сергей вышел в коридор, чтобы найти источник звука.

В коридоре звуки были отчётливее, однако и теперь Сергей не разобрался в их природе. Двигаясь вдоль стены, он достиг дверей директорского кабинета. Вне всякого сомнения, звуки исходили оттуда. Сергей тихо вошёл в приёмную.

Место секретарши пустовало – избалованная начальником Елена Васильевна появлялась не раньше одиннадцати.

Осторожно приоткрыв следующую дверь, Сергей стал свидетелем удивительной картины. Борис Львович Штерн висел словно на дыбе, прихваченный за руки огромным стриженным детиной, в то время как другой, такой же здоровенный, парень короткими размеренными тычками бил директора в живот.

Чуть в стороне, прислонившись к стене, стоял щёголь со злым лицом – именно он руководил всей этой экзекуцией.

– Пойми, Шпак, ты не должен обманывать Казимира Куклинского. Этим ты сделал мне больно, и теперь я тебе тоже сделаю больно.

– Я..., не... Шпак... Я Штерн, – мужественно хрипел директор и тут же получал под ребра новые тычки.

– Ты, Шпак, думал, что продашь мне фуфло за четыре тыщонцы дуляров и я не замечу капроновой подкладки? Думаешь, Куклинский тупой и не знает, что при царе Иване не было капрона? Думаешь, я про то не вем, Шпак?

– Извините, – подал голос Серёга, поняв, что директора нужно выручать.

– Цо то есть? – брезгливо указав на Серёгу, спросил Куклинский. – Цо пану долега?

– Извините ещё раз, – Тютюнин вошёл в кабинет и глупо улыбнулся, – там кто-то ОМОН вызвал, я пришёл спросить – это не вы?

– ОМОН?! – Руководитель избиения одёрнул дорогой пиджак и кивнул своим гориллам, чтобы те выходили. Несчастного Штерна отпустили, и он повалился на пол. Уже уходя, Куклинский остановился на пороге и, позволив себе злую ухмылку, сказал:

– До видзения, Панове.

– Борис Львович! – Серёга подбежал к директору и помог ему подняться. Штерн скривился от боли и закашлялся. – Что это за люди, Борис Львович?

– Король..., король туалетной бумаги Казимир Куклинский... Мы ему доху продали...

– Вы садитесь, Борис Львович.

Тютюнин помог директору сесть и налил в стакан воды. Штерн сделал несколько глотков и, наконец вздохнув, стал ощупывать ребра.

– Вроде ничего не сломали... Теперь нужно Турбинова найти. Он мне за все ответит.

Однако Турбинова искать не пришлось. Он появился в кабинете тотчас, довольный, дышащий вчерашним перегаром и с огромной свежей шишкой на лбу.

– Привет всем! – бодро произнёс он и, дотронувшись до лба, сообщил:

– Только что с клиентом во дворе столкнулся... Поговорили немного... Недовольны они, Борис Львович.

– Я уже знаю, – мрачно заметил Штерн.

– Спрашивают, почему трехсотлетняя доха имеет капроновую подкладку...

– А ты чего сказал?

– Я гений, Борис Львович! Я сказал, что настоящая подкладка из китайского шелка в настоящее время реставрируется в Эрмитаже.

– И они поверили?

– Поверили! – радостно закивал Турбинов. – Говорят меж собой, чего, дескать, зря какому-то Шпаку печёнки поотбивали! Вы представляете, как весело, Борис Львович? Кому-то из-за нас перепало!

Больше не в силах сдерживаться, рычащий Штерн схватил мраморную пепельницу и метнул её в голову Турбинова.

Послышал удар и грохот разлетающихся кусков мрамора. А после этого удивлённый голос Турбинова:

– Че... Че-то я не понял...

19

В одиннадцать часов на работу явилась секретарша Елена Васильевна. Она очень удивилась, застав в кабинете директора кроме самого Штерна ещё двух сотрудников – Тютюнина и Турбинова. У последнего была забинтована голова и подбиты оба глаза, однако это не мешало ему с энтузиазмом прихлёбывать с блюдечка растворимый кофе.

– Ой, здравствуйте! У вас совещание, Борис Львович?

– Да нет, просто небольшой перерыв.

– А я посмотрите что принесла! – похвасталась секретарша и стала разворачивать большой плакат. – В школе у сына к сентябрю галереею портретов меняют – мастеров русской литературы, так вот ему выпало Чехова принести. Антон Палыча... Вот... – Елена Васильевна развернула портрет. – Красиво?

– Красиво, – кивнул Штерн. – Но вообще-то это Троцкий.

– Как Троцкий?! – поразила секретарша.

– Очень просто. Лев Давыдович, – подтвердил Турбинов.

– Да вы не тушуйтесь, Елена Васильевна. Несите как есть, сейчас в школе таким пустякам значения не придают.

– А и ладно, – махнула рукой секретарша и убрала портрет. – Попью-ка я лучше чайку. Кстати, Борис Львович, вы слышали новость? Фригидин на работу вышел, собирался к вам зайти.

– Пусть заходит. Чем он, кстати, болел, надеюсь, ничего серьёзного?

– Говорит, что-то вроде отравления. В этот момент в дверь постучали, и появился сам Фригидин.

– Долго жить будет, – прокомментировал его появление Турбинов.

– Можно, Борис Львович?

– Заходите-заходите. Как вы себя чувствуете?

– Благодарю вас, чувствую себя хорошо. Здравствуйте, Турбинов, и вы, Сергей, тоже здравствуйте. Пользуясь случаем, что здесь собрались лучшие люди нашего предприятия, я хотел бы покаяться.

– В чем покаяться? – спросил Турбинов, поправляя сползавший на глаза бинт.

– Я вёл себя некорректно и недостойно высокого звания бухгалтерского работника, однако теперь все в прошлом. Я другой. Поверьте, Борис Львович, и вы, Сергей, поверьте тоже. Я – другой.

После этих слов Фригидин приложил руку к груди и поклонился.

– Не смею больше мешать и удаляюсь, – добавил он и вышел в приёмную, плотно прикрыв дверь.

– Что-то я не понял, в чем он каялся. Вы, Сергей, поняли?

– Я? – Тютюнин не знал, что ответить. С одной стороны, следовало рассказать о проделках Фригидина, с другой – это ведь он, Тютюнин довёл человека до больничной койки. Однако его сомнения развеяла Елена Васильевна, которая снова заглянула в кабинет директора.

– Извините, у меня тут на столе сахар лежал – десять кусочков. Вы не брали?

– Нет, – за всех ответил Турбинов.

– Надо же, на секунду отлучилась, и сахар спёрли. Секретарша ушла, и Тютюнин тоже поднялся.

– Пора мне уже сырьё принимать. Люди небось волнуются.

– Да, Сергей, идите. И знаете что, вы сегодня здорово мне помогли, поэтому примите сырьё и отправляйтесь домой. Пусть у вас будет укороченный день.

– А можно у меня тоже будет укороченный день? – тут же напросился Турбинов.

– Нет, нельзя, – отрезал Штерн. – Вам, Федор Иванович, ещё до обеда в Санкт-Петербург смотаться нужно – привезти из Эрмитажа отреставрированную подкладку...

20

Сергей Тютюнин ушёл с работы пораньше и, возвращаясь домой, думал одну мысль, которая его занимала.

Впервые за довольно долгое время они с Окуркиным решили не пропивать все деньги, добытые удачной охотой на банки, а вложить их в собственное дело. Разговор на эту тему у них состоялся ещё до событий в деревне Гуняшкино, и теперь, полностью избавившись от пережитых страхов, Сергей Тютюнин снова думал о серьёзных вещах.

Инициатором этой блестящей идеи был Леха. Как человек, близкий к тяжёлой индустрии, он хорошо представлял себе металлургическое предприятие, и потому именно он разработал первый бизнес-план.

– Пора нам менять масштаб нашего дела, – сказал он, когда они на автобусе возвращались из пункта сдачи цветных металлов.

– Это как? – спросил Сергей.

– Нужно самим банки принимать.

– И что мы с ними будем делать?

– Переплавлять в тарные чушки.

– О, – только и сумел выговорить Тютюнин. – А чего делать с чушками?

– А тут уже что хочешь, то и делай. Можно на международный рынок выйти.

– Слушай, а где мы все это будем плавить? Нужны же какие-то домны или там конверторы?

– Пока обойдёмся печкой у меня в гараже, а со временем будут у нас и домны. Главное – подмять под себя весь рынок алюминиевых банок, в масштабах города.

– В масштабах города – это, конечно, много, – согласился Тютюнин и, глядя в окно автобуса, стал невольно представлять себе на месте гаражей корпуса нового завода по переплавке пивных банок. – Слушай, а может, нам сразу готовый завод подыскать, а то, если мы здесь все застроим, где ты «запорожец» будешь ставить? Да и соседи сожрут – скажут, дымит ваш завод.

– Ну, – Леха поднял вверх указательный палец, – я гляжу, и ты кой-чего кумекать начинаешь. Думаю, прихватим мы алюминиевый завод в Братске. А потом и Норильский никелевый.

– А на что нам никелевый?

– Да чтобы в Сибирь по сто раз не мотаться. Не ближний конец – не набегаешься туда.

– Это конечно. Тут я с тобой согласен. Вот только у этих заводов хозяева есть. Они ведь денег больших попросят.

– С хозяевами разговор короткий... – сказал Леха. – Хозяев валить будем.

– А не валить нельзя?

– Можно не валить, но тогда мочить придётся. Но, ты не бойся, это мы не сами будем делать.

– А кто?

– Найдутся люди. Найдутся.

Вспоминая этот разговор, Тютюнин пытался припомнить, есть ли у него знакомства, через которые можно наладить продажу за границу тарных чушек. Выходило, что нет таких.

Можно было, конечно, обратиться к Олимпиаде Петровне. У той всегда водились всякие жулики, однако тёщу Сергей решил оставить на крайний случай – если уж они с Лехой сами не выйдут на международный рынок.

Так, за размышлениями, он свернул с тротуара и пошёл напрямик – через небольшой, стихийно образовавшийся скверик. Когда-то здесь собирались строить канализационно-насосную станцию, однако что-то не сложилось, и на месте котлована выросли деревья.

– Сергей Тютюнин... Тютюнин Сергей...

Голос был знакомым и незнакомым одновременно. Что-то шевельнулось в памяти Сергея, он насторожённо повернулся.

Очень милая девушка в коротком платьице поднялась с вросшей в землю бетонной плиты и направилась прямо к Тютюнину. Она улыбалась и поигрывала изящным дамским кастетом, заставив Сергея усомниться в её добрых намерениях.

Остановившись в двух шагах, девушка судорожно сглотнула и жалобно проблеяла:

– Моя колбаски хочет. Твоя обещал колбаски...

Весь мир Серёги Тютюнина в одно мгновение перевернулся с ног на голову. Тот ужасный деревенский кошмар, который он уже благополучно списал в сновидения, снова оказался рядом.

– Когда ты приехал? – хрипло спросил Тютюнин.

– Скоря, – ответила девушка, и в её глазах промелькнула хитрость толстого китайца.

Все это видела пенсионерка Живолупова, она же Гадючиха, которая на всякий случай сидела в кроне высокого дерева с большим флотским биноклем в руках.

«Я знала! Я знала!» – внутренне возликовала Живолупова и стала быстро спускаться вниз. Ей предстояло совершить бросок до своей квартиры, чтобы скорее позвонить на работу жене Тютюнина, Гадючиха давно ждала подходящего случая, и вот наконец это произошло. Вне всякого сомнения, Тютюнин-муж собирался привести любовницу домой, а потому Живолуповой представлялась возможность насладиться последующим спектаклем.

– Мы на-а-аш, мы новый мир постро-о-оим... – тихо напевала Гадючиха, проворно перебирая руками. В какой-то момент она от удовольствия потеряла равновесие и полетела вниз.

Приземление было жёстким, но Живолупова сдержала стон и стала шарить по траве, нащупывая бинокль. Однако он был ещё в полёте и вскоре догнал свою владелицу, больно ударив её по голове.

«Как в старые добрые времена», – подумала Гадючиха, выползая на тротуар. Нога болела, голову саднило, однако мужественная старуха заковыляла к дому, чтобы довести задуманное до конца.

С трудом добравшись до телефона, она достала пожелтевшие бланки для допросов, где по привычке хранила все сведения о соседях, и нашла номер отдела кадров завода, где трудилась гражданка Тютюнина.

– Але, отдел кадров? Тютюнину Любу к телефону – срочно! Кто звонит? Сами догадайтесь! Вот так-то. Жду...

Примерно через полминуты в трубке послышался взволнованный голос Тютюниной:

– Ой, кто это?!

– Это бабушка Живолупова, Любочка, – елеиным голосом заговорила Гадючиха. – Я ить чего звоню, доченька, благоверный-то твой где сейчас?

– На работе... – ответила Люба, и в её голосе слышалось нарастающее беспокойство. – А что с ним? Он жив?

– Да жив, доченька, жив, чего с ним, с кобелём, случится. Я ведь чего звоню, Любочка, спутался твой Серёжа с какой-то малолеткой.

– С какой малолеткой?!

– Ну лет примерно..., семнадцати, – начала обрисовывать Гадючиха, на её лице появилась счастливая улыбка. – Красивая, конечно, девчоночка. Ноги длинные, носик пуговкой, платьице коро-о-отенькое, губки...

– Где они?! – словно раненая медведица проревела в трубку Люба.

– Дык, я так полагаю, скоро на квартиру придут. Не будут же они на улице это самое делать, когда квартира свободная...

Было слышно, как на рычаг телефона брякнулась трубка, а значит, все шло по плану.

Довольная Гадючиха заглянула в холодильник, выудила оттуда банан и, хромая, направилась к выходу, напевая и дирижируя себе бананом:

– Мы мир-ны-е лю-ди, но наш бро-не-поезд стоит на запас-ном пути, трам-тадам... Стоит! Ещё как стоит!

Спустившись на лифте, Живолупова вышла из подъезда и, осмотревшись, укрылась за стендом с наглядной агитацией.

Долго ждать ей не пришлось – скоро, скрипнув тормозами, возле дома остановилось такси, и оттуда выскочила Люба. У неё горело лицо, и она жаждала мести.

– Ну?! – спросила Люба у Гадючихи, когда та выглянула из-за стенда.

– Ещё не проходили, но скоро явятся. Ты пока иди, голубушка, домой в засаду. Приготовься, чтобы все было как положено...

– Ага, – кивнула Люба. – В засаду.

21

Тютюнин напряжённо соображал, что же ему теперь делать. Блондинка стояла в опасной к нему близости, и, стоило кому-то доложить об этом Любе, могла случиться катастрофа.

– Ты это... – Сергей откашлялся. – Ты не мог бы превратиться в какогонибудь мужика, что ли?.. А то с колбаской проблемы будут.

Едва Тютюнин упомянул про колбаску, девушка, на мгновение мелькнув хитрым лицом китайца, превратилась в нечёсаного старика с бешеными горящими глазами. В его руках оказалась лопата, Тютюнин невольно отшатнулся.

– Я Палыч, – произнёс старик.

– Очень хорошо. Тогда пройдемте, что ли, ко мне домой, а потом я позвоню Лехе, чтоб вместе с ним вам колбаски достать.

– Моя хотеть колбаски.

– Да я понимаю. Но у меня сейчас нет – её нужно ещё собрать. Вам сколько нужно?

– Сито сорок семь килограмма...

– М-да... – Серёга стал прикидывать стоимость колбасы. У него получились бешеные деньги. – Ну что ж, идёте.

И они пошли. Тютюнин понуро брёл впереди, в голове его от волнения ничего не придумывалось, а Палыч плёлся следом, постукивая об асфальт остро отточенной лопатой.

Когда они подходили к подъезду, Сергей обернулся.

– Ты, Палыч, не мог бы другое обличье принять – поприличнее. Только чтобы не женщина и без лопаты.

– Моя может, – согласился Палыч. Он пригляделся к фотографии на стенде и полностью скопировал увиденное.

Теперь он был небритым мужчиной со шрамом на правой щеке. Лопаты при нем не было, и это Серёгу успокоило.

– Хорошо. Теперь пойдём...

Едва они скрылись в подъезде, как из-за стенда, доедая банан, выбралась пенсионерка Живолупова.

«Девчонка исчезла, но появился бомж с лопатой, – рассуждала Гадючиха. – Значит, закопали болезную. Выходит, Тютюнин ещё и душегубец. Я буду не я, если под статью его не подведу. Я буду не я...»

Взгляд Живолуповой упал на стенд, где под заголовком «Внимание розыск!» она узнала неоднократно судимого гражданина Сивухина по кличке «Морж», который только что вошёл в подъезд вместе с Тютюниным.

От такого крутого поворота пенсионерку прошиб пот. Выйти на след банды убийц – высокая заслуга. Тут дело пахло государственной наградой.

Позабыв про больную ногу, Живолупова помчалась к ближайшему отделению милиции.

22

Не успели Сергей и его новый друг переступить порог тютюнинской квартиры, как из-за посудного шкафа, словно тигрица, выпрыгнула Люба. Воздух колыхнулся от пущенной дубовой скалки – Сергей понял, что нужно спасаться.

«Убьёт дура!» – успел подумать он и резко пригнулся, а вся мощь страшного удара припала на физиономию Палыча.

От такого сотрясения тот сразу потерял контроль над превращениями и обратился в старика с лопатой. Люба вскрикнула от неожиданности и добавила ему ещё.

Палыч крикнул и стал ботаником с сачком для ловли бабочек. Серегина жена совершенно ошалела и нанесла ему изощрённый, показанный мамой, удар. Ботаник ойкнул и исчез, а ему на смену пришла блондинка в коротком платице.

– Ах вот она! – торжественно произнесла Люба. – Ах вот какую сучку ты привёл!

Отшвырнув скалку, она бросилась на противницу, желая немедленно вцепиться ей в волосы, однако обхватила руками стриженую голову рецидивиста Сивухина.

– Ой, извините, – сказала Люба и громко икнула. – Серёжа... – она повернувшись к мужу. – Я схожу с ума, Серёжа... Я схожу с ума...

Тютюнин подхватил падающую супругу и проводил её в другую комнату, где уложил на кровать, а потом принёс холодного молока.

– Полежи пока, Любаш, скоро все пройдёт, – пообещал он и вышел к гостю, который понуро сидел в обличье Сивухина и, посмотрев на Сергея, спросил:

– Что это была? Моя шибко боялся...

– Это как бы небольшое приветствие, – соврал Тютюнин. – Просто у нас так здороваются. Как увидят друг друга, так сразу – хрясь скалкой. Здороваются... – Серёга вздохнул. – Меня она тоже неоднократно прикладывала... – признался он. – Но ты не обижайся, такие у нас обычаи. Обычаи такие...

– Моя понял, – кивнул Палыч. В этот момент кто-то толкнул входную дверь и, поскольку она оказалась незапертой, вошёл в прихожую.

– Кто там? – крикнул Серёга.

– Я, кто же ещё! – ответила ему Олимпиада Петровна, появляясь в комнате.

Посмотрев на Сергея и переведя взгляд на незнакомца, она криво усмехнулась и наставительным тоном произнесла:

– Хоть бы поздоровались с дамой. Или этого уже и не нужно делать?

Сергей не успел сказать и слова, как Палыч метнулся к обронённой скалке, а затем, с нею, бросился к Олимпиаде Петровне.

– Нет, Палыч! Нет!

Однако было поздно. Последовал страшный удар, вследствие чего ноги Олимпиады Петровны оторвались от пола и она, пролетев по воздуху до самого посудного шкафа, врезалась в него головой.

При этом обрушилась полка с карельским сервизом, и его осколки посыпались через распахнувшуюся дверцу.

– О-о-ой! – заголосила Олимпиада Петровна. – Убива-а-ают! Карау-у-ул!

– Он не хотел! – попытался прояснить ситуацию Тютюнин, нагибаясь нда поверженной тещей. – Он поздороваться намеревался!

– О-о-ой! – дотронувшись до уха, снова застонала Олимпиада. – Меня муж никогда не бил и собаки всегда боялись! А вы меня скалкой. Бандиты! Душегубцы!

Из другой комнаты прибежала на шум со стаканом молока Люба. Она ещё не вполне оправилась от собственного потрясения, а потому, взглянув на проломленный шкаф, спросила:

– Что случилось, мама?

– Что случилось, что случилось... Я этого такие оставлю... – Олимпиада Петровна, размазывая слезы, поднялась на ноги и, пошатываясь, вышла в прихожую, откуда вернулась со своей собственной скалкой. – За все ответишь, лось, – сказала она Палычу. – Я мастер скалкинги, и тебе не уйти...

Понимая, что сейчас его гостя начнут натурально убивать и неизвестно, чем все это закончится, Тютюнин попытался заступиться за Палыча:

– Олимпиада Петровна, он не хотел вас обидеть, поверьте. Просто его Люба сильно побила, и он подумал, что у нас так здороваются. Он не местный!

– Поздно. Моё ухо опухло и требует отмищения. – Отодвинув Серёгу в сторону, Олимпиада Петровна двинулась на Палыча и, резко выдохнув, перебросила скалку из правой руки в левую. – Твоя смерть будет ужасной, чужеземец...

– Моя боится! – воскликнул Палыч, начавший от страха терять чёткие очертания. – Моя насчёт колбаски!

– Олимпиада Петровна, не трогайте его, а то я милицию вызову! – пригрозил Тютюнин.

В этот момент снова хлопнула незапертая дверь, и из прихожей вывалился огромный милиционер.

– Опа-на! Всем-стоять-по-местам-не-кашлять! – закричал он, наводя большой чёрный пистолет на всех по очереди. – Моя милиция меня бережёт! Финки, стволы, заточки и опилки на землю! Отставить «на землю»! На пол!

– Накаркал... – бросила тёща Тютюнину и нехотя выпустила из рук скалку.

– Ага! Граната! – сказал милиционер. – Отставить «граната». Деревянная заточка.

Не обнаружив в руках присутствующих больше никакого оружия, милиционер опустил свой пистолет и, выйдя не середину комнаты, объявил:

– Всем внимание! Я старший шериф округа... Стоп, отставить «шериф округа». Я верховный участковый микрорайона, майор Шароемов. – Майор подошёл вплотную к Палычу и, склонившись к нему, добавил:

– Попрошу внимательно произносить моё фамилие, понял? Шутки с заменой «мы» на «бы» я не понимаю...

Оставив Палыча, Шароемов сделал полуоборот и оказался возле Тютюнина.

– Все шутники уже на нарах – что?

– Что? – не понял Серёга.

– На нарах – что? – парятся. Теперь вопрос второй – кто содержатель притона?

– Хозяин квартиры – я, – неуверенно произнёс Тютюнин, поднимая руку точно на уроке.

– Почему укрывали рецидивиста Сивухина?

– Я.., не укрывал. Мы только зашли.

– Не удивляюсь, – усмехнулся майор Шароемов и, оставив Сергея, подошёл к Олимпиаде Петровне.

– Что с ушком, мамаша? Как будто заплыло ушко? Молчите? Тогда позволю себе – что? – небольшое предположение. Имели место бандитские разборки. А ещё меня интересует... – Шароемов обвёл всех пронизательным взглядом. – Где вы спрятали труп малолетней любовницы гражданина Тютюнина?

– Любовницы? – поразились Люба.

– Труп? – подхватила Олимпиада Петровна. – Я всегда знала, что этим все и кончится. Я всегда знала!

– Да не было никакого трупа! – вмешался Сергей.

– Не было? – Шароемов хитро улыбнулся и погрозил Тютюнину пальцем. – Я даже знаю, кто его закапывал, этот самый труп.

– И кто же?

– Безумный дедушка с лопатой в руках! Вы не успели избавиться от свидетелей, гражданин Тютюнин, а поэтому – что? – понесёте заслуженное наказание.

Сказав все это, довольный собой Шароемов повернулся к рецидивисту Сивухину, однако вместо него обнаружил предполагаемую жертву – блондинку в коротеньком платье.

– Опа-на! – произнёс майор. – Что мы наблюдаем? Картину Репина – приплыли.

– Это она, сучка! – обрадованно закричала Люба и бросилась вперёд, горя желанием вцепиться разлучнице в космы, однако Шароемов её придержал и вернул на место.

– Отставить передвижения, иначе будут – что? – жертвы. Гражданин Тютюнин, убийство с вас снимается, но остаётся организация устойчивой бандгруппы, совращение малолетних и сводничество. Недурной наборчик, а?

– Я знала, что этим все кончится! – снова торжественно произнесла Олимпиада Петровна. – Люба, я все знала!

– Все знали и не докладывали, – тут же подвёл статью Шароемов. – Укрывательство. Однозначно – укрывательство.

Услышав позади себя подозрительный шорох, Шароемов обернулся, готовый ко всему, однако вместо подозрительных действий задержанных обнаружил ещё одного Шароемова, такого же высокого и красивого, как он сам.

– Опа-на! Приветствую, коллега! – Первый Шароемов пожал второму Шароемову руку. – А я не знал, что здесь уже кто-то работает.

– Моя хотеть колбаски, – жалобно попросил майор-двойник.

– Да. Все – работа. Я тоже пообедать не успел. Ну ладно, коллега, не буду вторгаться со своим, как говорится камнем, в чужой – что? – огород.

С этими словами настоящий Шароемов улыбнулся всем временно задержанным и покинул квартиру Тютюниных.

23

До половины седьмого вечера Сергей и Палыч сидели в большой комнате и тупо таращились в телевизор, ожидая прихода Лехи Окуркина.

Женщины шушукались на кухне.

Олимпиада Петровна, напуганная превращениями нового «Сережкиного собутыльника», больше не затевала с ним дуэль и, напротив, уговаривала дочь уехать к ней, однако Люба, заикленная на возможной измене мужа, опасалась появления малолетней блондинки, тем более что два раза видела её собственными глазами. Откуда та появлялась, Люба своими мозгами осилить не могла, однако была уверена, что угроза ещё не миновала.

Время от времени теща или супруга Тютюнина выбирались из кухни на разведку. Они проходили мимо Серёги и его гостя, украдкой заглядывали под кровати и проверяли ванную.

Не обнаружив блондинки, они возвращались на кухню и снова принимались шептаться.

Ровно в половине седьмого в дверь позвонил Леха Окуркин. Он ещё не знал, зачем Сергей его так срочно искал, а потому выглядел вполне довольным.

– Что за срочность, партнёр? Ленка сказала, ты прям обрыдался весь в трубку.

– Пойдём, сейчас и ты обрыдаешься, – мрачно пообещал Тютюнин и повёл друга в комнату.

– Здрасьте, – кивнул Леха незнакомцу, остававшемуся в личине рецидивиста Сивухина.

– Моя хотеть колбаски, – неожиданно жалобным голосом отозвался тот, и Леха обмер – он вспомнил этот голос.

Окуркин сел прямо на пол и молча посмотрел на Серёгу, ожидая какого-то разъяснения.

– Колбасу доставать надо, – с расстановкой произнёс Тютюнин. – Колбасу...

Окуркин медленно развёл руками, как бы говоря: «Да где ж её взять?»

– Покупать придётся, – вздохнул Серёга. «Да откуда ж такие деньги взять?» – как бы сказал Окуркин, изображая на лице отчаяние.

– Вот и думай. Ты ведь, кажется, «запорожец» ему отдавать собирался.

– Ты «запорожец» не тронь! – крикнул Леха и моментально вскочил на ноги. Из кухни выглянула Люба.

– Это ты здесь, Лёш?

– Я, Люба.

Затем вылезла теща.

– Это кто здесь? – спросила она.

– Я – Алексей Окуркин, – представился новоприбывший.

Женщины переглянулись и, не сказав ни слова, снова спрятались.

– Что это с твоей тещей? – спросил Леха, позабыв про угрозу для своей машины.

– Об дверь ударилась, – ответил Тютюнин. Вспомнив в подробностях это происшествие, он не сдержал довольной улыбки. – Башкой...

По телевизору передавали футбол. Непонятно, кто и с кем там играл, однако народу на стадионе были многие тыщи, и Сергею подумалось, что, будь их бизнес на таком вот стадионе, они бы денег на колбаску нашли мигом.

– У меня мысль появилась! – сказал Леха и, покосившись на Палыча, поманил Тютюнина пальцем.

– Чего? – спросил тот, приблизившись.

– К Сайду надо ехать, к братцу Азамата.

– Я понял, к какому Сайду. А чем он может помочь?

– Так он же торгует, и его земляки тоже торгуют. Сейчас лето, жарко, холодильников у них нет. Усекаешь?

- Ты тухлую купить предлагаешь?
- Не тухлую, а очень тухлую. Тухлую они покупателям впаривают.
Леха снова покосился на гостя. Тот сосредоточенно смотрел рекламу.
- Ты пока его займи чем-нибудь, а я Сайду на мобильник звякну. Прямо сейчас все и решим.

24

Сайд поднял трубку сразу. Судя по многоголосому шуму, который служил фоном для разговора, он ещё находился на овощном рынке, который располагался в старом авиационном ангаре.

– А, это ты, Алёша! Привет.

– Сайд, у нас к тебе дело есть!

– Какие дела? Поздно уже. Я лоток убираю. Приходи завтра, яблоками угощу. Яблоки любишь?

– А все люблю, Сайд, но у меня срочное дело – понимаешь?

– Срочное? – Сайд сделал паузу, то ли обдумывая услышанное, то ли с кем-то советуясь. – Ладно, говори, что случилось.

– Понимаешь... – Окуркин оглянулся, чтобы удостовериться, что его не слышат. – Понимаешь, Сайд, на нас наехали...

– Э-э, денег нет, Алёша. Совсем нет денег.

– Да ты не понял. Мне не деньги нужны.

– Убить нада, да?

– Да нет. – Леха прикрыл трубку ладонью и понизил голос. – Колбаса нужна. Варёная.

– У меня яблоки, Алёша. Ты же знаешь. Немножко хурма есть, а колбасой я не торгую.

– Сайд, очень нужно. На нас... – тут Леха снова оглянулся, – на нас страшный человек наехал...

– Вах. И что ему нужно?

– Я же сказал – колбаса варёная.

– Ладно. Сколько надо?

– Полтора центнера.

– Ладно. Поищем, у меня земляк такую продаёт. Как платить будешь?

– Договоримся, Сайд. Только одно условие. Колбаса нужная тухлая.

– Э-э, у него вся тухлая. Как платить, спрашиваю, будешь?

– Да подожди ты про оплату! Мне колбаса нужна не просто тухлая, а такая, чтобы твой земляк её уже и продавать не мог.

– Вах. Сложно это.

– Что, нет такой колбасы?

– Нет, колбаса есть, в склад зайти сложно. Противогаз нада.

– С этим проблем не будет. Противогазы у нас есть. Кстати, можем и вам подкинуть, а за колбасу алюминием заплатим – все банки со следующего раза ваши. Договорились?

– Ладно. Приезжайте на рынок, а я пока земляка предупрежу.

Леха положил трубку и, довольный, повернулся к Серёге и гостю.

– Ну все, твоё дело решили, дружок, – обратился он к Палычу-Сивухину. – Сейчас мням-мням поедем. Колбаску кушать.

– Моя колбаску кушать! – обрадовался тот.

– Что, удалось договориться? – спросил Тютюнин.

– Ну, раз за дело взялся Алексей Окуркин, какие могут быть вопросы! Прямо сейчас и поедем, только..., противогазов нужно захватить.

– Понял, – кивнул Серёга. – Сколько брать?

– Бери штук десять. Лишние пойдут в счёт оплаты.

Тютюнин выволок из-под кровати ящик с противогАЗами и стал отбирать подходящие размеры. Жена его Люба работала на заводе гражданской обороны, а потому дома в изобилии

водились не только противогазы, но и сапёрные лопатки, котелки и ремённые пряжки с эмблемами Советской Армии.

25

Спустя пять минут Сергей и Палыч уже сидели в «запорожце», а Леха торопливо доливал в бак бензин.

Наконец все было готово и можно было ехать, однако неожиданно возле машины появилась Елена.

– Моя начинает бояться, – признался Палыч, поглядывая на плечистую женщину.

– Моя тоже, – признался Серёга.

– Я сейчас, – коротко бросил Окуркин и вышел на переговоры.

– Ты куда это собрался ехать, стручок доморощенный? – для разогрева спросила Елена.

По ней было видно, что она все для себя уже решила.

– Сейчас не время для разговоров, Лён, – спокойно ответил ей муж. – Я должен ехать, и точка. И пока не могу сказать тебе, куда именно. Об этом ты узнаешь позже...

– Ты чего мелешь, уже напился, что ли? – грозно уточнила Елена, нависая над малорослым супругом.

– Моя продолжает бояться! – напомнил о себе Палыч.

– Ты..., ты не знаешь, что за человека мы везём, – тихо произнёс Окуркин и одним глазом показал на «запорожец».

– Ну? – Лена посмотрела через голову Лехи на незнакомца. – А чего в сумке – небось пива набрали?

– В сумке, Лена, противогазы... – глухо признался Окуркин. – А теперь отойди, мы должны ехать.

– Кажется, понимаю, – кивнула жена и, как-то совсем иначе посмотрев на Алексея, покорно отошла в сторону.

Хмурый Окуркин вернулся за руль, завёл «запорожец» и резко тронул его с места.

Вставленный в выхлопную трубу свисток призывно затилиликал, и экипаж выкатился на дорогу.

– Лишь бы не было пробок, тогда я вас мигом домчу, – пообещал Окуркин и действительно помчал, трижды проскочив на красный свет, дважды угодив под жёлтый, а один раз – даже на зелёный.

Вальжные иномарки шарахались в сторону, едва услышав свист авиационного двигателя, а Леха радостно давил на газ, приговаривая: «Нет, вы ещё не знаете Леху Окуркина... Вы ещё не знаете...»

К назначенному месту прибыли вовремя.

Возле ангара, в котором располагался рынок, стояли Сайд и двое его земляков.

Когда Леха заглушил двигатель, один из них подошёл ближе и, восхищённо поцокав языком, спросил:

– Слушай, это машина у тебя или самолёт? Почему свистит так?

– Лопатки на турбине менять пора, – невозмутимо ответил Леха, выбираясь из кабины.

– Вах, там турбина? – Земляк Сайда приложился ухом к капоту. – Прадай, да? Хорошие деньги дам!

– Не могу, друг. Я его своими руками создал. Как Пушкин – Муму.

Следом за Лехой выбрались Тютюнин и Палыч, на которого испытующими взглядами уставились Сайд и второй его земляк.

– Противогазы? – напомнил Сайд.

– Здесь, – сказал Серёга, показывая сумку. – Размеры подходящие.

– Хорошо. Отсюда пойдём пешком. Это недалеко – здесь, на пустыре, а потом я вам проводника дам. Сам не пойду – на мне брат, две жены и дети.

– Не вопрос, Сайд, мы понимаем.

– Ну, тогда пошли.

Выстроившись цепочкой, они двинулись через заброшенный парк, затем миновали какую-то стройку и наконец, когда уже стало темнеть, выбрались на пустырь.

Сайд крикнул несколько слов на своём языке, и из зарослей крапивы показался его человек.

– Кого ты привёл, Сайд? – спросил он по-русски.

– Хорошие люди, Абдулла. Нужно провести их к колбасе...

Проводник зажёл фонарик и осветил в лица своим гостям.

– Значит так, места здесь опасные, поэтому идти за мной – след в след. И не трогаться с места, пока я не скажу. Понятно?

– Да, – кивнул Серёга.

– Тогда доставайте противогазы. Скоро подует восточный ветер и принесёт запах...
Нужно торопиться.

26

Наученный горьким опытом со старушкой, Тютюнин лично проверил пробки на фильтрах, чтобы путешествие не окончилось, так и не начавшись.

Исключение он сделал только для Палыча, поскольку ему противогаза не потребовалось.

Когда Абдулла спросил почему, Сергей сказал, что Палыч – йог. Это было не совсем правдой, однако Тютюнин не знал, как объяснить особенности своего гостя.

На всякий случай попрощавшись с Саидом и двумя его земляками, группа тронулась в неизвестность. Абдулла шёл впереди и длинным посохом проверял перед собой дорогу. Если опасность казалось проводнику слишком очевидной, он бросал вперёд гайку с привязанной к ней ленточкой и только после этого осмеливался идти дальше.

Спустя час или даже больше среди высокой травы стали попадаться остовы военных автомобилей, тюки с полуистлевшим обмундированием, банки с окаменевшим солидолом и коробки с военной лыжной мазью.

Абдулла останавливался все чаще и подолгу готовился к броску очередной гайки с ленточкой.

Потрявоженные людьми сонные мухи поднимались из травы целыми стаями и, тревожно гудя, улетали на запад.

Волнение проводника передавалось Серёге и Лехе, а вот Палыч становился все бодрее по мере того, как экспедиция приближалась к его заветной цели.

Ещё через четверть часа отряд преодолел поваленные временем столбы с колючей проволокой, а затем и предупреждающую надпись:

«Внимание! Часовой стреляет без предупреждения!»

«Да куда ж это мы идём?» – заволновался Тютюнин, однако надпись на следующем щите расставила все по своим местам:

«Хранилище неприкосновенного запаса членов ЦК ВКП(б)».

ВКП(б) было слегка закрашено, и по нему уже другой краской написали «КПСС».

Когда до возвышавшихся впереди руин склада оставалось совсем немного, земля под группой неожиданно разверзлась, и они полетели вниз.

«Вот и все», – подумал Сергей, пока летел до самого дна. Затем последовал удар, и падение прекратилось.

«Нет, не все», – снова подумал он и услышал какие-то хрипы. В темноте скользнул луч принадлежавшего проводнику фонарика. Он упёрся в бьющийся комок, и Тютюнин узнал Леху. Порванная маска противогаза уже его не защищала, и запах продуктового подземелья грозил ему смертью.

Не растерявшись, Сергей выдернул из сумки запасной противогаз и в несколько секунд надел его на друга.

Окуркин задышал ровнее, а затем поднялся на ноги.

Чуть в стороне, перебирая от нетерпения ногами, стоял Палыч. Запах протухших складов ничуть его не беспокоил, а, казалось, наоборот, даже возбуждал. Гость чувствовал, что осталось совсем немного и колбаска уже где-то рядом.

Когда выяснилось, что все живы, группа двинулась дальше. Им пришлось идти мимо бесконечных стеллажей, заставленных коробками с маслом, мешками с сухарями и ящиками с тушённой «Ворошиловская 1936 г.».

Минут через десять Абдулла остановился возле огромных запертых ворот. Серёга с Лехой поняли, что это и есть то самое место.

Палыч от перевозбуждения начал поскуливать.

– С ним должен идти кто-то один, – глухо пробубнил сквозь маску проводник. – Остальные буду страховать.

Он снял с плеча моток капроновой верёвки и вопросительно посмотрел на Сергея и Леху.

– Иду я, – сказал Тютюнин, – а ты будешь тянуть, если что.

Окуркин кивнул. Абдулла привязал Сергея за лодыжку, а затем они вместе с Окуркиным отворили тяжёлые ворота.

– Возьми. – Проводник сунул Серёге фонарь. – Тебе он нужнее. И помни – ваши сто пятьдесят килограмм.

– Чужого нам не надо, – ответил Тютюнин и, махнув Палычу рукой, скомандовал:

– Пойдём.

27

Пробираясь между высоких стеллажей и сдерживая не в меру ретивого Палыча, Серёга светил подслеповатым фонариком, выискивая варёную колбасу.

Ему попадались ящики с разными надписями, однако все это было не то. Тютюнин уже собирался вернуться и обратиться за помощью к Абдулле, когда ему наконец попало то, что нужно.

Отсчитав три пятидесятикилограммовых ящика, Серёга стащил их на пол и, показав Палычу, сказал:

– Они твои. Можешь начинать.

И отбежал подальше, чтобы не видеть, как все будет происходить.

Гость из другой реальности набросился на угощение так страстно, что Тютюнин слышал треск разгрызаемой тары. Впрочем, о кулинарных традициях Палыча он знал совсем немного, а потому терпеливо дожидался окончания мучительного для него процесса.

Палыч справился быстро.

Он подошёл к Серёге и тронул его за рукав.

– Моя доволен! – сказал он. Теперь это снова был тот толстый хитроватый китаец.

– Я рад, – ответил ему Серёга, и они двинулись в обратный путь.

На выходе из зала Серёгу обняли Леха и Абдулла. А потом все вместе они поднялись наверх по пыльной бетонной лестнице.

Возвращаться назад было так же трудно, проводник снова бросал гайки с лентами, однако, поскольку договор был выполнен, Лехе и Серёге дышалось намного свободнее, даже в противогазе.

Когда перебрались через поваленную изгородь, Абдулла пошёл быстрее. Впереди замычал огонёк – Сайд и его земляки разожгли костёр.

Вскоре проводник уже сбросил противогаз и, обернувшись, улыбнулся Серёге и Лехе белозубой улыбкой. Однако она тотчас погасла, когда он увидел, как сильно изменился Палыч.

Как только они подошли костру, проводник тихо посоветовался с Сайдом и земляками, потом обернулся к Серёге.

– Э, что с ним? Лицо распухло?

– Об этом после, – ответил Серёга.

– Да, после, – поддержал его Леха. А Палыч постоял у костра ещё немного, затем молча поклонился каждому из присутствовавших и исчез в зарослях высокой крапивы.

Поняв, что теперь можно говорить, Сайд возобновил расспросы:

– Алёша, кто он, э? Он что с колбасой делал?

– Кушал он её, Сайд, кушал.

– На спор, что ли?

Поняв, что объяснить все не получится, Окуркин утвердительно кивнул:

– Да. На спор.

28

Не в силах разобраться со своими проблемами, Люба по совету Олимпиады Петровны отправилась на консультацию к врачу, благо тот принимал по вторникам прямо в заводском медпункте.

«К.м.н. Швец К. Ю» – значилось на жестяной табличке, которую доктор приносил с собой и вывешивал на двери.

Пациентов к нему приходило немного, поскольку психические болезни заразными не считались. Другое дело – гинеколог и венеролог, эти трудились по семь дней в неделю, да ещё брали работу на дом. Доктор Швец им очень завидовал, хотя и понимал, что это нехорошо.

Появлению пациентки он очень обрадовался. Тем более что Люба была миловидна и вполне в теле.

– Здравствуйте, доктор, – произнесла она.

– Здравствуйте..., э-э..., как вас зовут, дорогуша?

– Любовь.

– Что любовь?

– Зовут меня так – Люба Тютюнина.

– Очень хорошо, дорогуша. – Швец поднялся со стула и, нежно взяв пациентку за плечи, провёл её за ширму. – Раздевайтесь и прилягте. Сейчас начнём осмотр.

– Да у меня ничего не болит, доктор. У меня другие вопросы...

– Ну..., тогда садитесь напротив меня, – сказал Швец и разочарованно вздохнул.

Люба села на узкий стул и замерла, не зная, с чего начать.

– Ну так и что за проблемы, дорогуша? Муж пьёт и бьёт вас?

– Да нет. Он меня не бьёт. У меня случилось...

– Не бойтесь, не бойтесь меня. – Швец игриво пошевелил бровями. – Мне можете рассказывать все. Ну, кто это был: лифтёр, монтёр, телевизионный мастер? В детстве я, знаете ли, хотел чинить телевизоры, утюги, носогрейки, но в результате – психиатрия стала моим э-э...

– Видения у меня были, доктор, – призналась Люба.

– Какие же, простите, видения? – Почувствовав профессиональный зуд, доктор Швец подался вперёд.

– Кошмарные.

– Э-э, конечно сексуального плана? Может быть, карлики?

– Да какие там карлики! – Люба высморкалась в платок. – Какой-то новый знакомый мужа.

– Так-так-так. – Доктор пододвинулся к пациентке вместе со стулом. – Каков он из себя, этот знакомый мужа?

– Да он... – Тютюнина замялась, припоминая подробности. – Он, знаете, доктор, такой разный был. То стриженным со шрамом, а потом – раз, и дед с лопатой...

– О, какая изобретательность! Игры и прелюдии! Прямо по учебнику Рауля Пидро – один к одному. Что же было потом, сколько ролей вёл этот новый знакомый мужа?

– Потом он стал дядечкой в очках и с сачком – которым бабочек ловят.

– Ага, роль Паганеля! Блестящая находка!

– Но самое обидное, доктор, что потом там оказалась та самая сучка, с которой мой Серёжка спутался.

– То есть вас застали за этим занятием? Муж вернулся?

– Да никто не возвращался, доктор. Серёжа тоже был в квартире...

– Так! – Доктор Шве́ц вскочил со стула и, заку́рив сигарету, стал нервно расхаживать по кабинету. – Так-так-так! Значит, ваш муж в этом участвовал? Правильно я понял? Он видел, как вы все это проделывали с его новым знакомым?

– Конечно видел. Я ведь хотела с него начать, с Серёги, чтоб ему побольше досталось, но он, паразит, такой шустрый стал... – Люба хлопнула себя по коленке. – В общем, доктор, он извернулся как-то.., и все досталось его знакомому...

– Как интересно... – Шве́ц замер на месте, совершенно по-другому глядя на эту полную работницу. – А что, Люба, эта, как вы изволили выразиться, сучка, она тоже присутствовала там?

Люба подумала – минуты примерно две, – затем как-то неуверенно добавила:

– Выходит, так.

– М-да. А что же было потом, Люба? Чем все это закончилось?

– У меня истерика началась, и муж увёл меня в другую комнату, а потом я услышала шум и вернулась. Оказалось, этот новый знакомый Сергея напал на мою маму. Когда я вошла, она лежала на полу.

– Могу себе представить... – Поражённый доктор Шве́ц покачал головой. – Что же было потом?

– Потом пришёл милиционер, – честно призналась Люба.

– Милиционер? Хм. Милитари-фактор в играх свингерских пар. И что, этот милиционер, он же не просто так зашёл? Он ведь принимал во всем этом участие?

– И ещё какое! Он все к Сергею приставал.

– Милиционер приставал к Сергею... Вон как все завязалось. Ничего, если я буду записывать, Люба? Уж очень интересный у вас случай.

– Пишите, – пожала плечами Люба.

– Пишу-пишу. – Схватив первую попавшуюся бумажку, доктор Шве́ц быстро восстанавливал всю картину. Этот рассказ тянул на целую докторскую диссертацию. Да что там на докторскую! Эпизод с приходом милиционера вытягивал её на уровень самостоятельного направления.

– У мамы так ухо распухло – ужас, – между прочим обронила Люба.

– Ухо? – Шве́ц перестал писать и почесал нос. – Почему ухо?

– Ну так этот знакомый мужа двинул её дубовой скалкой. А потом доказывал, что просто поздороваться хотел. Придурок... Мама так упала, что в шкафу посуда побилась.

– Постойте. Так он её просто ударил и все?

– Ничего себе – все! А этого мало, что ли? Знаете, какая у меня скалка тяжёлая! Третья категория, три с половиной фунта.

Шве́ц отложил свои записи и, поискав в кармане сигареты, тут же забыл про них. Кажется, докторская диссертация от него уплывала.

– Значит, Люба, знакомого вашего мужа вы всего лишь избili скалкой?

– А я хотела, что ли, его бить?! – возмутилась Люба. – Серёжка, он знаете какой юркий, паразит. Я его ловлю, лишь когда он пьяный, да и то на противоходе, с полуоборотом, а потом – туше... – Люба так убедительно взмахнула рукой, что Шве́ц даже попятился.

– И давно вы его.., скалкой? – В голосе доктора прозвучало сочувствие.

– А пусть не пьёт, паразит! И за бабами на таскается.

– Ну ладно. А зачем же вы ко мне пришли?

– Когда я колотила этого Серегиного знакомого, он превращался все время. Я ж вам рассказывала, доктор. Вы что, забыли?

– Я все помню, дорогуша. Я все помню. С этими словами Шве́ц достал из портфеля бланки рецептов и выписал Любе травяной чай.

– Вот, дорогуша. Будете принимать это лекарство, и кошмары как рукой снимет.

– Ой, правда? – обрадовалась Люба, вставая со стула. Швец ещё раз взглянул на её круглые коленки и вздохнул.

– Конечно правда.

– Ну я пойду?

– Идите, Люба. Идите.

Когда пациентка повернулась к нему спиной, доктор Швец ещё раз оценил её фигуру.

«Хорошая баба, – пришла на ум доктору совершенно не академическая мысль. – Хорошая баба, но дура».

За дверью слышался шум. Гинеколог и венеролог, пьяные, возвращались с обеда. В душе доктора Швеца снова зашевелилась зависть.

29

Всю дорогу до посольства пенсионерка Живолупова совершала перебежки от магазина к магазину и через проезжую часть, заставляя водителей нервничать и орать в открытые окна.

Пассажиры автобусов тыкали в её сторону пальцами и смеялись, однако Гадючиха не обращала на них внимания, поскольку была занята важным делом.

Спрятавшись за будкой с мороженым, она достала из потёртого ридикюля бинокль и стала в упор разглядывать прохожих, старательно выискивая «хвост».

Однако вокруг были чисто, а значит, следовало воспользоваться этой ситуацией.

«Ну, раз не следят, значит, окончательно не уважают», – подумала Гадючиха, заранее оправдывая задуманное преступление.

Убрав бинокль и сторбившись, как среднестатистическая старушка, пенсионерка Живолупова двинулась вдоль исторических особняков, время от времени искоса поглядывая на дежуривших возле них милиционеров.

Для собственного успокоения, а также в качестве меры предосторожности Живолупова зашла в недорогое заведение и заказала два пирожка с ливером.

Мозги Гадючихи работали ясно, как никогда, хотя она и замышляла такое, за что других когда-то собственноручно отправляла на смерть. А решила она ни много ни мало продать родину и предоставить все имевшиеся у неё ценные сведения вероятному противнику.

Пирожки попались так себе, но Гадючиха скушала их с аппетитом. Оставив в качестве чаевых двадцать копеек, она снова вышла на улицу.

Солнце двигалось к зениту. Молодой смог поднимался над крышами, чтобы к вечеру, сгустившись, нависнуть на городом непроницаемым грибом.

«А и чего я здесь потеряла?» – спросила себя Гадючиха, и ей тут же представилась большая изба в заграничной деревне, где куры неслись страусиными яйцами, а свиньи имели натуральный розовый цвет.

«Надоело!» – сказала себе Гадючиха и ещё решительнее зашагала навстречу измене родине.

Возле большой раззолоченной вывески она невольно задержала шаг. «Посольство Соединённых Штатов Америки» – самая обыкновенная с виду надпись, однако теперь эти слова взволновали бабушку Живолупову не на шутку.

Прошагав ещё пару кварталов, Гадючиха остановилась возле телефона-автомата и, пропустив несколько подозрительных прохожих, метнулась в будку.

Найденный в старых записях телефон ещё работал, и на том конце сразу сняли трубку.

– Посольство Соединённых Штатов. Секретарь Герц слушает...

– Ты такой же Герц, как я Никита Хрущёв, – ехидно заметила искушённая Живолупова молодому стажёру российской контрразведки. – Ну-ка переадресуй звонок в посольство и больше не хулигань...

– А если не переадресую?

– Тогда я скажу, что в посольстве бомба, и смену ты закончишь не в восемнадцать ноль-ноль, а часика на четыре попозже – после отчёта. Тебе это надо, сынок?

На том конце послышался тяжёлый вздох, после чего возобновились гудки вызова.

– Посольство Соединённых Штатов. Секретарь Герц слушает...

На этот раз бабушка Живолупова не сомневалась, что говорит с настоящим американцем, польку тот извлекал слова откуда-то из желудка, если не сказать хуже.

– Мне нужно поговорить с военным атташе.

– Его сейчас нет. Могу соединить вас с мистером Джонсоном.

– Ладно, давай Джонсона.

- Джонсон слушает! – торопливо ответил другой голос.
- Ехайте на восток, Джонсон, – приказным тоном объявила Живолупова.
- Но мы и так на востоке...
- На восточную окраину города... К магазину «Три поросёнка». Там получите дополнительные инструкции. И поторопитесь, Джонсон, чтобы вас не опередили русские.

30

Заместитель военного атташе, он же представитель Центрального разведывательного управления Хэнк Джонсон осторожно положил трубку и посмотрел на своего младшего коллегу Бёрка Смита.

– Это – Кортиевский?

– Возможно, он. Однако это снова может оказаться провокацией.

– Подстаука, – по-русски произнёс Смит.

– Вот именно. Однако ехать нужно. В этом состоит наша работа.

– Да, сэр, – согласился Смит. Когда-то он мечтал занять место Джонсона, однако теперь был рад, что этого не случилось. Работать в России становилось все сложнее, поскольку теперь приходилось играть не только против русских спецслужб, но и против расплодившихся жуликов и грабителей, которые ставили под вопрос саму возможность оперативной работы.

В прошлом месяце Джонсон дважды выезжал по анонимным звонкам. И в обоих случаях неизвестные предлагали ему купить секретные документы, касавшиеся самых последних военных разработок.

В первый раз на Хэнка напали за городом двое немых бродяг. Пока агент Джонсон пытался ознакомиться с содержанием мятых бумаг, они оглоушили его дубиной и забрали машину, деньги и удостоверение посольского работника.

Во второй раз Джонсон и Смит поехали вдвоём, однако на них навалилась группировка краснореченских, от которых агенты отстреливались полтора часа, пока не подъехала милиция.

Потом на удочку к русским жуликам попались парни из АНБ. Неудаче коллег Джонсон и Смит очень порадовались, однако местный криминал, поняв, где можно найти поживу, обрушил на посольства стран – участниц НАТО шквал предложений.

И тут такое началось! Шведов раздели в подземном переходе, англичан обманули на сотню тысяч фунтов, наивные поляки «тайно» поехали «на секретную военную базу» и очнулись, избитые и без денег, где-то под Вязьмой.

Впрочем, случались и неожиданные удачи. Агент Джонсон нашёл наконец чертежи внутритрубной мини-торпеды, за которыми охотился три года. Эта торпеда должна была плавать по канализации и очень избирательно поражать важные объекты.

В Штатах на её разработку уже потратили десять лет и тридцать миллиардов долларов.

Нужные документы пытались достать из секретных НИИ и закрытых заводов, а принёс их какой-то сторож заброшенного архива. Он попросил две бутылки водки за целый ворох отсыревших папок.

И тут стала известна вся правда о внутритрубной торпедке. Оказалось, что ещё в семьдесят шестом году какой-то инженер с труднопроизносимой фамилией, находясь «на картошке» в одном из колхозов, от скуки рассчитал торпеду на клочке обёрточной бумаги. А потом, также от скуки, доказал полную бесперспективность этой разработки.

Позже записи засекретили и убрали в архив. И там бумажная торпеда медленно рассыпалась от целлюлозных вредителей, пока лучшие умы Америки изобретали её заново.

Когда руководитель проекта американской торпеды получил эти расчёты, он ушёл в недельный запой, а затем уехал куда-то в Миннесоту, чтобы поселиться в индейской резервации. По дошедшим до Джонсона и Смита сведениям, бывший руководитель принял имя Несчастный Бык и зарёкся возвращаться в мир бледнолицых.

После этого случая вашингтонское начальство запретило показывать американским учёным разработки из России. По крайней мере, без предварительной их подготовки.

Смит подошёл к окну и проследил, как машина агента Джонсона выехала на улицу.

Могло так случиться, что больше они не увидятся.

«И тогда его место станет моим», – подумал Смит и посмотрел на стол начальника. Мысль о карьерном росте грела самолюбие Бёрка, но тогда уже самому Смиту пришлось бы выезжать по каждому звонку, поскольку определить среди них фальшивый было не так легко.

Здесь все торговали информацией, а телефоны американской резидентуры люди добывали у торговцев ворованными базами данных, которые непонятным образом утекали от русских контрразведчиков и попадали прямо на чёрный рынок.

Смит и сам неоднократно видел эти лотки, на которых продавалось все – от списков зарегистрированных в ГАИ автомобилей до адресов агентов Моссада и британской Ми-5.

С одной стороны, это было удобно – узнавать, какие агенты русскими уже засвечены, а с другой – шпионам часто звонили по ночам пьяные люди и всячески их оскорбляли, обзывая предателями.

– Бар-дак, – произнёс Смит. – Бар-дак.

Он всегда произносил по-русски те слова, аналогов которым в английском языке не находилось.

31

Старуха выскочила на дорогу неожиданно, и Джонсону пришлось резко выжать тормоза, чтобы не размазать её по лобовому стеклу.

Высунувшись в окно, Хэнк наорал на бабу, как сделал бы нормальный российский водитель. Это был необходимый элемент маскировки, и Джонсон всегда выполнял его с удовольствием. Однако старуха не стушеввалась и, сделав страшные глаза, негромко сообщила:

– Это я вам звонила. Отмыкай дверку.

Джонсон был готов ко всяким неожиданностям, но тут он здорово удивился.

Впрочем, дверь все же открыл, и довольная старуха плюхнулась на соседнее сиденье.

– Трогай, чего встал! Хочешь, чтоб меня сцапали? Ты-то под книжкой дипломатической, а у меня только пенсионное удостоверение.

«Действительно. Чего это я?» – по-английски подумал Джонсон и поехал по улице дальше, на ходу соображая, что ему делать.

– Вы.., что-то собираетесь предложить Соединённым Штатам? – спросил он, делая поворот направо и глядя, как с запозданием к нему цепляется «хвост» русской контрразведки.

– Ну дак а то? – Старуха поправила вязаную панамку и, похлопав по лежавшей на коленях сумке, сообщила:

– У меня, между прочим, и бинокль есть.

– Очень хорошо. Как вас зовут?

– Изольда Васильевна Живолупова. Но мои любимым позывным всегда был Зи-Зи.

– Позывной?

– Да. Я сорок лет в органах. Правда, с перерывами на две отсидки. Но это мне зачислили в стаж – могу принести справку.

– Так вы работали в спецслужбах?

– Работала. А теперь меня не ценят, а милицейский майор Шароемов вообще старой дурой обозвал. А я, между прочим, факт обнаружила.

– Какой факт? – Джонсон ещё раз глянул в зеркало заднего вида и снова повернул, чтобы сидевшие на «хвосте» контрразведчики не скучали.

– Факт секретный, но расскажу я об нем, лишь когда вы меня на службу примете.

«Ну вот. Сейчас начнёт требовать деньги», – догадался Джонсон.

– Вы, мэ, хотя бы намекните, а то за что же я буду вам деньги платить?

– Не деньги, милок, а токмо доллары. И не просто доллары, а этот.., как его? Кэш!

– Ну хорошо – сколько вы хотите? – спросил церэушник, продолжая следить за «хвостом» в зеркало заднего вида. Он решил ехать к ближайшему парку, чтобы высадить там сумасшедшую старуху – именно таковой она ему и показалась.

– Я хочу... – Живолупова набралась решимости и выпалила:

– Двести хочу!

– Чего двести? – уточнил агент Джонсон, ожидая услышать про миллионы или даже миллиарды. В последнее время он имел много случаев общения с подобными людьми. Один даже представлялся важным человеком из самых верхов и обещал продать Камчатку за десять миллиардов. Причём соглашался получить в качестве «аванса и доброй воли» всего сто тысяч.

– Чего двести? Ну.., долларов, – сказала Живолупова и напряжённо уставилась на американца, ожидая его вердикта.

– Окей, я согласен.

– В месяц! – тут же добавила старуха.

– Пусть будет так, – снова кивнул Джонсон, недовольный тем, как медленно едут за ним русские. Так и отстать недолго.

– Аванс дадите?

– Йес. То есть да. Двадцать «баксов» устроит?

Джонсон вынул из кармана деньги и протянул сумасшедшей старухе. Он надеялся, что теперь она оставит его в покое и попросит остановить машину, чтобы сбежать с добычей, однако Живолупова, напротив, решила тут же выложить все, что знала.

– В общем, шеф, слушайте меня внимательно. Наблюдаемый мною Серёжка Тютюнин может лица изменять. Не своё, конечно, евоную-то харю никак не изменишь, а вот для своих собутыльников – пожалуйста.

– Вы сами видели, мэм?

– Сама видела. Хочешь поклянусь?

– Не надо. Но скорее всего это был... Как по-русски? Глюк!

– А вот и нет. Я в одном журнале прошлогоднем вычитала, что это называется би-о-плас-ти-ка. И что наши военные добились в этом деле высоких результатов. Где-то на Урале.

На это Джонсон ответил улыбкой.

– Ага, поулыбайся, поулыбайся. А вот ты думаешь, кто у тебя в руководителях? Американец? А вот, может, уже и нет – какой-нибудь наш «Ваня» с Вологодской губернии. Но это можно проверить – знаешь как?

– Как? – не удержался Джонсон.

– Так по водке! – Живолупова усмехнулась, удивляясь такой недалёкости своего нового начальства. – Если водку русскую пьёт – значит, того! Наш человек – российский. Наш без водки долго не может.

Джонсон невольно вспомнил рассуждения одного важного генерала. Тот очень хвалил русскую водку.

– В вашей нелёгкой командировке, Хэнк, есть свои плюсы, и прежде всего – водка. В России вы сможете пить её сколько угодно и любых сортов.

– Вы так любите водку, сэр? – спросил его тогда Джонсон.

– Не всякую, Хэнк, а только русскую. И, кстати, наш Директор тоже. Тут мы с ним находим общий язык...

В свете этих воспоминаний слова сумасшедшей на вид старухи принимали совершенно иное значение. Что, если этот генерал – русский? А если Директор? Да что там Директор – если сам Президент?! Джонсон слышал, что и он иногда прикладывается к «Столичной».

От этих мыслей Хэнку Джонсону стало жарко. Заехав в какой-то переулок, он остановился и, подождав, пока из-за угла появится «хвост», поехал дальше.

Итак, насколько велика была вероятность подобного события – использования русскими этой самой биопластики? Ничтожные доли процентов. Но даже если ничтожные доли, разве можно от этого отмахиваться?

«Нет, отмахиваться не будем», – решил Джонсон и, выбравшись из лабиринтов исторического центра, поехал по радиальному шоссе.

– Я предлагаю..., вернее, я приказываю вам, агент Зи-Зи, продолжать наблюдать за этим паразитом Серёжкой э-э...

– Тютюниным, – подсказала Зи-Зи.

– Вот именно. Наблюдать и собирать информацию. Вы скажете мне свой адрес, и я буду отправлять вам инструкции по почте. Договорились?

– Это самое... Йес, сэр.

Джонсон покосился на нового агента. Он все ещё пребывал в некотором сомнении.

– А как же вы, Изольда Васильевна, попали в спецслужбы?

– Это давно было. По комсомольскому набору – страну от врагов народа защищать. – Зи-Зи вздохнула. – Эх, хорошее было времечко! Молодое.

– Вы где-нибудь этому учились?

– А как же! Ускоренные курсы имени Парижской коммуны. Потом повышала уровень в Германии...

– В Германии? То есть в ГДР?

– Да что вы, шеф, какая ж вам ГДР в тридцать девятом году? Меня сам товарищ Мюллер очень ценил.

– Товарищ Мюллер? А товарищ Канарис вас не ценил?

– Нет, это другое управление было. Мы больше по политическим работали...

Решив позже проанализировать разговор со старухой, Джонсон высадил её возле театра кукол и возвратился в посольство.

Обрадованный тем, что шеф вернулся в целости и сохранности, Смит подал ему выпить. Джонсон сделал пару глотков, прежде чем понял, что это водка.

– Почему вы подали мне водку, Смит? – поинтересовался он.

– Просто я сам предпочитаю водку, вот и все.

– Ну да, конечно.

Делая вид, что пьёт, Джонсон стал осторожно наблюдать за Смитом. Похож он на русского или нет?

«Глупость какая. Так ведь можно и до паранойи дойти».

– В ваше отсутствие, шеф, нам снова сделали блестящее предложение.

– Что на этот раз?

– Планы высадки русских на Венере.

– Повременим пока. Но посылать подальше мы их не будем.

– Думаете, это не полная чепуха, сэр?

– В России ни в чем нельзя быть полностью уверенным. Ни в чем.

32

Очередной рабочий день Сергея Тютюнина прошёл вполне обычно. Было нападение моли, однако удалось отбиться обычным дихлофосом. Потом ему пытались всучить пыжика под видом бобра.

В обед бухгалтер Фригидин снова воровал сахар, а потом позвонила врачиха Света и поинтересовалась, почему он ей в морг не звонит.

Одним словом, ничего особенного. К девятнадцати ноль-ноль Серёга уже был дома и застал жену за вязанием.

– Чего это ты делаешь? – поинтересовался Тютюнин.

– Девчонки посоветовали, – сказала она. – Говорят, успокаивает.

– И чего, правда успокаивает? – Серёга и сам чувствовал непонятный мандраж. Так бы и выпил чего-нибудь.

– Не знаю. Пока у меня не получается, но, если за сегодня не научусь, я эти спицы, блин, в косичку заплету!

– Значит, не помогает, – сделал вывод Сергей и ушёл на кухню. Кот Афоня побежал за ним следом, ожидая, когда откроют холодильник, однако ему ничего не перепало, поскольку Тютюнин просто сел за стол и задумчиво уставился в стенку.

Зазвонил телефон. Серёга снял трубку.

– Але.

– Привет разведке. Чем занимаешься? – Это был Леха.

– Только с работы пришёл. Ужинать собрался.

– Слушай, Серёг, я вот чего подумал – трехлитровку-то с этой отравой мы ведь с собой привезли.

– Правда, что ли?

– Ну! Я чего подумал, ты говорил, что у тебя врачиха знакомая. Может, мы эту ботву проверим как-то. Анализ сделаем, гадость отфильтруем. Там же почти три литра спирта – не выбрасывать же?

– Выбрасывать нельзя, – согласился Тютюнин.

– Ну так я тебе сейчас занесу образец.

– Да ты что... – Серёга понизил голос. – У меня жена дома.

– Не бойсь, я в мензурочке от клея принесу – что я, не разведка, что ли? Сейчас буду.

Серёга помыл руки, достал из холодильника кусок сала – для себя и утиное крылышко – для Афони.

На стук холодильника пришла Люба.

– Чего это ты сало-то гложешь? Суп, что ль, не будешь есть?

– Могу и суп, – угрюмо отозвался Тютюнин. После вчерашнего у него ещё остался неприятный осадок, и потому хотелось вести себя независимо.

В дверь позвонили.

– Ой, кто это? – удивилась супруга. – Мама вроде не собиралась.

– Хорошо, что не собиралась. Это Леха пришёл – клей мне принёс, – сказал Сергей и поднялся, чтобы открыть.

– Это вы теперь и клей пьёте, алкаши несчастные? – крикнула ему вдогонку Люба. Или вы его нюхаете?

Хлопнула дверь, и улыбающийся Леха в сопровождении Сергея вошёл на кухню.

– Мы его, Любана, на хлеб намазываем, – пояснил Окуркин.

– Покаж, что за клей?

– А вот. – Леха скромненько пристроил на край стола стеклянный пузырёк.

Люба решительно взяла пузырёк и, открыв его, понюхала.

– Что-то ваш клей спиртом пахнет.

– Ну не будем же мы, Любань, такими напёрстками употреблять, – заулыбался Леха. – Это ж себя не уважать. Люба устало махнула рукой и ушла в комнату.

– Чего это с ней?

– Да после вчерашнего отойти не может.

– А-а. Ну это конечно... Ладно, Серёг, я пошёл, а то Ленка меня контролирует. Говорит – через пять минут не вернёшься, засчитаю побег.

33

Когда Леха ушёл, Сергей, забыв про сало, взял пузырёк и, встряхнув его, посмотрел на свет.

Однако стекло было тёмным и Тютюнин ничего не увидел.

Тогда он снял крышку и по примеру Любы понюхал. Пахло, как и в прошлый раз, какими-то фруктами или ягодами. Хорошо пахло.

Что-то коснулось ноги Сергея, он посмотрел под стол. Это был Афоня, сожравший утиное крылышко и теперь желавший, чтобы с ним поиграли.

– Отвали. Здоровый уже за бантиком бегать... – сказал ему Сергей и снова понюхал пузырёк.

«А что будет, если лизнуть крышку? – подумал он. – Да ничего не будет – там полкапли. С полкапли никуда не улетишь».

И Тютюнин смело лизнул крышку.

С ним ничего не случилось, а на языке остался привкус какой-то валерьянки.

Кот снова толкнул Серёгу, а потом несильно царапнул по ноге когтями.

– Э, ты чего это, совсем оборзел? – серьёзно спросил его Тютюнин. – Или эта штука и правда на валерьянку похожа?

Сергей снова понюхал пузырёк, но теперь его содержимое вовсе не издавало никаких запахов.

«Выдохлась микстура, – решил Тютюнин. – Наверно, уже совсем не работает».

Решив, что пора перейти к увеличению экспериментальной дозы, он наклонил пузырёк, чтобы капнуть себе на ладонь. Хотелось получить каплю, но вылилось целых пять.

Впрочем, пять или одна – на ладони почти что ничего и не было.

Сергей слизнул настой и прислушался к своим ощущениям. Ничего не происходило, он оставался на собственной кухне, рядом тихо урчал холодильник, а из крана капала вода. Все это было так знакомо.

Вот только как он оказался на полу?

Тютюнин решил подняться, однако, даже встав на ноги, не достал головой до сиденья табуретки.

«Паралич!» – пронеслось у него в голове. Решив ползти в комнату – к Любе, Сергей заметил, что бежит легко и даже его пушистый хвост... Стоп! Хвост!!!

Повернув голову, Тютюнин увидел, что у него действительно есть пушистый хвост. И ещё у него были четыре лапы, и усы, и когти!

«Что я наделал!» – хотелось закричать Сергею, однако из его пасти вырвалось только жалобное мяуканье. На ум стали приходить финалы ужасных детских сказок и фразы вроде «Не пей из копытца – козлёночком станешь!».

Тютюнин галопом выскочил в комнату и, бросившись в ноги ничего не подозревавшей Любе, завывал что было мочи:

– Любонька! Солнышко, помоги мне! Вызови «скорую помощь», Люба! Посмотри, в каком я состоянии!

– Ой, Афоня! Ты чего, сдурел? Ты мне на ногу небось синяк поставил!

– Да что твой синяк! Ты посмотри, в кого я превратился! Нужно же что-то делать – Лю-ю-юба!

– Ну ладно, поняла я тебя. Не ори... – Супруга Тютюнина со вздохом отложила своё вязанье, подхватила Серёгу под живот и потащила, как ему показалось, в ванную.

«Правильно! Как я сам не догадался! Колдовство снимают водой! Молодец, Любана!»

Впрочем, Сергей ошибался. Жена быстро отперла входную дверь и выбросила его на лестничную площадку.

– Иди уже, гоняй своих кошачьих девок, шалопутный!

Двери захлопнулись, пораженный Тютюнин лёг на холодный кафель, поскольку ослабевшие лапы отказывались его держать.

Где-то внизу хлопнула дверь. Поначалу Серёга никак не отреагировал на этот звук, однако затем в его голове словно сверкнула ослепительная вспышка. Ну да – как же он мог забыть, это же дверь 144 квартиры!

Позабыв про свои невзгоды, Тютюнин метеором слетел по ступенькам и увидел её.

Это была она – пепельная красавица Маруся. Трехлетняя кошка, переехавшая в их дом ещё зимой.

Как же она была хороша! За такую Серёга был готов отдать все.

– Привет, Марусь, – сказал он, замедляя шаг, словно бы проходя мимо по своим делам.

– А мы знакомы? – Маруся позволила себе улыбку, а затем, как бы невзначай коснувшись его грудкой, прыгнула на следующий лестничный пролёт.

Тютюнин сейчас же последовал за ней.

Маруся снова прыгнула, и Серёга повторил её манёвр. Он представлял себя с Марусей парой влюблённых снежных барсов, ведущих любовную игру в горах Памира.

Однако скоро горы закончились, и Тютюнин вслед за Марусей выскочил во двор.

Смело прошмыгнув перед носом полуслеплого дога Гоши, пара ошалевших кошек взлетела по дереву на крышу старого гаража, а затем обрушилась на стоявшие в ряд мусорные баки.

Хвостик Маруси так и мелькал перед Серёгой, окончательно сводя его с ума. Казалось, счастье было так возможно, однако жестокая подножка заставила Тютюнина ткнуться мордой в асфальт, а потом раз пять перевернуться через голову.

С трудом поднявшись после таких каруселей, Серёга посмотрел по сторонам и в паре метров от себя увидел двух котов: Сему и Артура.

Сема был вторым котом в семье, и ему всегда не хватало еды, а аппетитом он мог соперничать даже с доберманом.

Артур, напротив, происходил из семьи бездетных архитекторов, и его кормили едой из самого настоящего кошачьего ресторана. Иногда ему это надоедало, и тогда Артур вылавливал из аквариума сто долларовых рыбок. За лакомые куски со своего стола Артур держал Сему за раба-телохранителя. А постоянный голод, помноженный на глупость, делал рослого Сему страшным оружием в лапах Артура.

– Ты чего, Афоня, не здороваешься? – издали начал Артур.

– Ага, эт самое... – поддержал его Сема.

– Извините, – сказал Серёга. – Я вас не заметил.

– Он нас не заметил, Сема. – Артур вздохнул и, выпустив на лапе когти, осмотрел свой новый маникюр.

– Ага, эт самое, не замечает.

Сема усмехнулся и пошевелил помятыми ушами. Рядом с холёным и красивым Артуром он выглядел старой кроличьей шапкой, облитой олифой.

– Я тебя предупреждал, кот помойный, что Маруся со мной гуляет, а? – угрожающе произнёс Артур.

– Маруся гуляет с кем хочет, – парировал Серёга. – Маруся – кошка свободная.

Он понимал, что его станут бить, однако честь была дороже.

– Придётся тебя проучить, котяра. Артур покосился в сторону своего слуги и со скукой в голосе сказал:

– Сема, начинай.

Здоровяк поднял брюхо с земли и, встав на все четыре лапы, направился к жертве.

Отступая к мусорным контейнерам, Серёга заметил на крыше гаража Марусю. Она заняла удобное место и собиралась наблюдать драку, словно это был спектакль.

Сема взмахнул лапой. Серёга хотел перехватить удар, но тяжёлая оплеуха сбила его с ног. Пришлось быстро вскочить на ноги, однако, неповоротливый с виду, Сема был уже рядом. Он снова сделал ложный замах, однако ударил Тютюнина твёрдой, словно деревянная колотушка, головой.

Перед глазами Серёги поплыли разноцветные круги – он и не предполагал, что в кошачьих драках используются столь варварские приёмы. Понимая, что дело нешуточное, Тютюнин сжал лапу в кулак и встретил противника жёстким апперкотом. Сема жалобно мяукнул и чуть не упал, однако все же удержался.

– Бей его, толстый! Бей, чего смотришь! – скомандовал Артур, и Сема бросился на дерзкого противника всей тушей.

Он свалил Серёгу и стал топтаться по нему, как слон, угрожая сломать ребра. А подскокивший Артур уловил момент и всадил в Серегин бок отшлифованные маникюром когти.

Тютюнин заревел, как тигр, и, применяя кошачью тактику Афони, выстрелил задними лапами вверх, заставив тяжёлого Сему шлёпнуться на спину.

– Bravo! Bravo! – закричала Маруся с гаражной крыши, а над головой лежавшего Тютюнина взвилась лапа Артура. Теперь он метил своими когтями прямо в глаза.

Пришлось выставить блок, но хитрый Артур ударил в живот. Тютюнин снова взвыл, и его кошачья шкура затрещала.

«Они же мне всю мездру попортят!» – пронеслось в его голове, и, извернувшись, он подскёк Артуру передние лапы, а затем добавил по усам выпущенными когтями.

Артур жалобно запищал.

– Держись, босс! Я уже иду! – крикнул ему Сема, разгоняясь для окончательного удара. Он мчался, словно паровой каток, намереваясь размазать Серёгу о мусорный контейнер. В последний момент Тютюнин изо всех сил, что у него оставались, оттолкнулся и взмыл в воздух, а Сема, пролетев под ним, врезался в стальную стенку тяжёлого контейнера, ухитрившись сдвинуть его с места.

Приземлившись на крышку одного из баков, Серёга с трудом перепрыгнул на крышу гаража.

– Очень мило, Афоня! Очень мило! – не поднимаясь с подстилки из сухих листьев, промурлыкала Маруся. – Я и не знала, что ты такой герой. Может, я и для тебя как-нибудь выделю минутку.

– Не нужна мне твоя минутка! – с горечью в голосе произнёс Серёга. – Не нужна.

– Это почему же, бедненький Афонька?

– Потому что гадина ты, Маруська! Самая последняя гадина.

34

С трудом передвигая лапы и припадая на переднюю левую, Серёга кое-как поднялся на свой этаж и, остановившись под дверью, закричал:

– Люба! Люба, открой – это я! Люба-а-а!

В боку и брюхе саднило, болели ребра и ободранная морда. Серёга не вполне понимал, кто он сейчас и в каком состоянии.

– Да открывай же, Люба!

Хозяйка услышала рёв побитого кота и наконец отворила дверь.

– Ты тут спишь, что ли? Не дозовешься тебя, – пробурчал Серёга и захромал прямо на кухню – попить воды.

– Афонечка, да ты весь в крови! Ты подрался или упал?

– Занимался борьбой нанайских мальчиков, – обронил Сергей и, добравшись до блюда с водой, начал её жадно лакать.

– Я сейчас бинты принесу!

– Неси, уф-ф.

Серёга вздохнул и вдруг понял, что сидит на табуретке.

Первые секунды он ещё чувствовал боль от полученных в драке ран, но затем увидел ободранного Афоню, который лежал возле блюда и дожидался Любу с её бинтами.

– Афонька, брат! – воскликнул Сергей, присев рядом с котом. Тот посмотрел на хозяина понимающим взглядом и снова стал пить воду.

Прибежала Люба с бинтами и большим флаконом одеколона «Шипр».

– Подставляй бок, Афоня, – сказал Сергей. Кот послушно повернулся.

Люба продезинфицировала ему рану на боку и на морде.

– У него ещё на животе, – сказал Тютюнин.

– Ой, и правда. И кто же его так?

– Сема и Артур.

– Вот гады. За что же они так нашего котика не любят?

– Они его за Маруську избили.

– За какую Маруську? – Люба удивлённо уставилась на Серёгу.

– Ну, из 144 квартиры.

– Ты всех девок, что ли, в доме знаешь? – Глаза жены недобро сузились.

– Дура ты! Маруська – это кошка!

– А-а-а...

– Вот и тебе и а-а... Ты не думай, Афоня. Я им этого не прощу – завтра же оба получают по полной программе. Артур так в особенности – это же он кричал: «Бей его, толстый!» Он всем верховодит, Афоня. А ты небось не знал? И ещё – с Маруськой не водись. Она стерва. Когда меня били, она с крыши смотрела, как будто ей это кино какое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.